

ЭЛИЗАБЕТ

ГАСКЕЛЛ

СЕВЕР И ЮГ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Элизабет Гаскелл

Север и Юг

«Издательство АСТ»

1855

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Гаскелл Э.

Север и Юг / Э. Гаскелл — «Издательство АСТ»,
1855 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-105780-0

Богатый фабрикант с промышленного севера Англии Джон Торнтон и блестяще образованная дочь скромного священника с юга Маргарет Хейл возненавидели друг друга с первого взгляда. Кто Джон в глазах девушки? Невежественный нувориш, считающий, что все в этом мире продается и покупается. А кто для него Маргарет? Заносчивая кисейная барышня, слишком многое о себе возомнившая, – особенно если учесть, что у ее отца нет ни гроша. Однако не зря говорят, что от ненависти до любви – один шаг, – противостояние молодых людей, не уступающих друг другу умом, волей и характером, постепенно превращает их взаимную неприязнь в куда более теплое чувство. Чувство, в котором, и Маргарет, и Джон не смеют признаться даже самим себе... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-105780-0

© Гаскелл Э., 1855
© Издательство АСТ, 1855

Содержание

От автора	6
Глава 1. Поспешная свадьба	7
Глава 2. Розы и шипы	13
Глава 3. Чем опасна поспешность	18
Глава 4. Сомнения и трудности	24
Глава 5. Решение	30
Глава 6. Прощание	37
Глава 7. Новые места и лица	41
Глава 8. Тоска по дому	46
Глава 9. Надо ли переодеваться к чаю?	52
Глава 10. Кованое железо и золото	55
Глава 11. Первые впечатления	60
Глава 12. Утренние визиты	65
Глава 13. Легкий ветерок в духоте	69
Глава 14. Мятеж	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Элизабет Гаскелл

Север и Юг

© Перевод. Т. Осина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

От автора

Поскольку роман впервые увидел свет в журнале «Хаусхолд вордс», автору пришлось подчиниться строгим требованиям еженедельного издания, во имя интересов читающей публики соблюдая определенные, заранее заданные условия. Хотя рамки оказались далеко не самыми жесткими, автору не удалось в полной мере воплотить первоначальный замысел. Более того, пришлось с невероятной поспешностью привести события к финалу. Чтобы до некоторой степени смягчить этот очевидный недостаток, в текст были включены дополнительные короткие эпизоды и добавлены новые главы. С этим пояснением отдаю свой труд на милость читателя.

Нижайше умоляю о снисхождении, жалости и прощении за дерзкое признание!

Глава 1. Поспешная свадьба

*Сосватана, обвенчана и мужу отдана.
Из народной песни*

– Эдит! – негромко позвала Маргарет. – Эдит!

Однако, как и предполагала Маргарет, Эдит уснула. Прелестная, в белом муслиновом платье с голубыми лентами, она свернулась калачиком на софе в маленькой гостиной дома на Харли-стрит. Если бы Титания явилась одетой в белое муслиновое платье с голубыми лентами и нечаянно уснула на алой атласной софе в маленькой гостиной, ничего бы не стоило принять ее за Эдит. Красота кухни не впервые поразила Маргарет. Девушки выросли вместе, и с раннего детства все вокруг не переставали восхищаться очарованием Эдит. Одна лишь Маргарет никогда не думала об этом, и только в последние дни близость расставания представила достоинства подруги в новом, особенно ярком свете. Они разговаривали о свадебных платьях, о церемонии венчания; о капитане Ленноксе и обо всем, что жених рассказывал Эдит о будущей жизни на острове Корфу, где стоял его полк; о том, как трудно поддерживать точный строй клавиатур (эта проблема казалась Эдит одной из самых сложных в замужестве); о нарядах, необходимых для свадебного путешествия в Шотландию. Постепенно шепот становился все более и более несвязным, а после недолгого молчания Маргарет с удивлением обнаружила, что, несмотря на шум в соседней комнате, Эдит свернулась в мягкий комочек из муслина, лент и шелковых локонов и безмятежно погрузилась в сладкий послеобеденный сон.

Маргарет как раз собиралась поделиться с кухней планами своей будущей жизни в сельском приходе, где обитали родители и где неизменно проходили счастливые дни каникул: – притом что в последние десять лет дом тетушки Шоу считался родным, – однако за неимением собеседницы пришлось довольствоваться молчаливыми размышлениями о грядущих переменах. Несмотря на легкую грусть неопределенно долгого расставания с милой тетушкой и любимой кухней, раздумье оказалось приятным, но в тот момент, когда преимущества исключительного положения единственной дочери викария прихода Хелстон предстали в ослепительном блеске, из соседней комнаты долетели обрывки разговора. Тетушка Шоу беседовала с пятью-шестью приглашенными на обед дамами, чьи мужья все еще оставались в столовой. Все они считались близкими знакомыми семьи, соседками, которых миссис Шоу называла подругами, потому что обедала с ними чаще, чем с другими, а если им с Эдит что-то срочно требовалось, они не стеснялись нанести визит еще до ленча, и наоборот. На правах друзей эти супружеские пары получили приглашение на прощальный обед по случаю грядущего замужества мисс Шоу. Надо заметить, что самой Эдит идея не нравилась, поскольку капитан Леннокс должен был приехать вечерним поездом, однако избалованная, беспечная девушка не обладала достаточно сильной волей, поэтому сдалась, едва узнав, что матушка уже заказала изысканные деликатесы, призванные притупить безмерное горе прощального вечера. В знак протеста она сидела за столом с мрачным и отсутствующим видом, откинувшись на спинку стула и едва прикоснувшись к остывающей на тарелке еде. Тем временем все остальные с удовольствием слушали шуточки мистера Грея – джентльмена, во время приемов миссис Шоу неизменно занимавшего самое дальнее, наименее почетное место за столом, и просили Эдит поиграть на фортепиано в гостиной. На этом прощальном обеде мистер Грей пребывал в особенно приятном расположении духа, поэтому джентльмены задержались в столовой дольше обычного, и, судя по обрывкам разговора, правильно сделали.

– Я сама слишком много страдала. Не хочу сказать, что брак с бедным дорогим генералом не принес мне безмерного счастья, и все же разница в возрасте – серьезный недостаток, от которого я твердо решила избавиться дорогою Эдит. Конечно, без тени материнского пристра-

ствия, я заранее знала, что моя девочка рано выйдет замуж. Более того, часто повторяла, что уже к девятнадцати годам отдам ее супругу, так что испытала поистине пророческое чувство, когда капитан Леннокс...

Здесь миссис Шоу перешла на шепот, однако Маргарет без труда домыслила продолжение. Путь Эдит к истинной любви оказался на редкость гладким. Миссис Шоу дала волю предчувствию, как она выразилась, и постаралась ускорить свадьбу – несмотря на то что многие из знакомых Эдит испытали разочарование, поскольку ожидали для молодой хорошенькой наследницы более выгодной партии. Однако миссис Шоу заявила, что единственная дочка должна выйти замуж по любви, и выразительно вздохнула, словно не любовь привела ее к браку с пожилым генералом. Матушка относилась к помолвке куда более восторженно и трепетно, чем сама невеста. Глубокая искренняя любовь не мешала Эдит предпочитать удобный дом в Белгравии живо описанным капитаном Ленноксом экзотическим красотам острова Корфу. Рассказы, которые Маргарет слушала, затаив дыхание, вызывали у кузины лишь дрожь отвращения – пусть и не совсем искреннюю, а призванную вдохновить капитана на особое красноречие. Не слишком благоустроенная кочевая жизнь не сулила молодой супруге ничего, кроме мучительных неудобств. И все же явись к ней обладатель прекрасного дома, богатого поместья и заманчивого титула, Эдит все равно осталась бы с капитаном Ленноксом до тех пор, пока царствовало всеильное влечение. А потом, когда чувства утратили бы первоначальную свежесть, возможно, испытала бы легкое сожаление из-за того, что капитан Леннокс не сосредоточил в собственной персоне все желанные качества. В этом отношении она оставалась истинной дочерью собственной матери. Сознательно выйдя замуж за генерала Шоу исключительно из уважения к его положению и заслугам, та непрерывно, пусть и тихо, оплакивала несправедливость судьбы, соединившей ее с нелюбимым человеком.

– Я не пожалела средств на приданое, – долетело до слуха Маргарет признание заботливой матушки. – Отдала все подаренные генералом роскошные индийские шали и шарфы; все равно больше никогда не надену.

– Ах как повезло девочке! – прозвучал другой голос, и Маргарет узнала миссис Гибсон – леди, особенно заинтересованную в разговоре, так как одна из ее дочерей вышла замуж всего пару недель назад.

– Хелен мечтала об индийских шалих, но узнав, какую цену за них просят, я была вынуждена отказать. Вот уж она позавидует Эдит! Какие они? Ажурные, с прелестной бахромой?

Снова послышался голос тети, однако теперь уже так, словно она приподнялась с кресла и заглянула в полутемную маленькую гостиную:

– Эдит! Эдит!

Маргарет подошла к двери.

– Эдит спит, тетушка. Может, я чем-то помогу?

– Бедное дитя! – дружно воскликнули дамы, услышав огорчительное известие, а крошечная собачка на руках миссис Шоу отчаянно затыкала – очевидно, в приступе острого сочувствия.

– Тише, Кнопка! Что за озорница! Разбудишь свою хозяйку. Я всего лишь хотела узнать, не прикажет ли Эдит горничной принести сюда ее шали. Может, милочка, это сделаешь ты?

Маргарет поднялась на самый верх, в старую детскую, где Ньютон выбирала к свадебной церемонии разноцветные ленты. Пока, недовольно ворча, горничная в четвертый или пятый раз за день распаковывала шали, Маргарет оглядела детскую – первую в доме комнату, куда попала девять лет назад, когда приехала из деревни, чтобы разделить игры и учебу кузины Эдит. Вспомнила темное, мрачное помещение, где безраздельно царствовала строгая, церемонная няня, не выносившая грязных рук и порванных платьев. Вспомнила и первую чашку чая – здесь, под самой крышей, отдельно от отца и тетушки, обедавших где-то далеко внизу, в бесконечной глубине лестницы. Тогда девочка подумала, что, если только сама она не витает

высоко в небесах, они должны сидеть в недрах земли. Дома, в Хелстоне – до переезда на Харли-стрит, – детской служила мамина гардеробная, а поскольку в сельском приходе спать ложились рано, Маргарет всегда ужинала вместе с родителями. О, статная восемнадцатилетняя девушка не забыла горьких слез, пролитых под одеялом девятилетней девочкой в первую ночь. Не забыла и приказа няни немедленно замолчать: рыдания тревожат сон мисс Эдит. Однако Маргарет все равно продолжала плакать так же горько, как и прежде, хотя гораздо тише, до тех пор пока незнакомая, нарядная, красивая тетушка не поднялась неслышно наверх вместе с мистером Хейлом, чтобы показать зятю сладко спящую дочку. Только тогда маленькая Маргарет перестала всхлипывать и постаралась лежать тихо, чтобы не расстраивать отца. Она не смела показать истинные чувства тетушке, да и вообще считала, что не имеет права горевать: дома так долго обсуждали грядущий переезд, строили планы, готовили новый гардероб, достойный блестящей столичной жизни. Да и папа с трудом выкроил несколько дней, чтобы оставить приход и отлучиться в Лондон.

А сейчас она с нежностью осматривала старую опустевшую детскую и с сожалением привыкшей к дому кошки думала, что уже через три дня придется навсегда ее оставить.

– Ах, Ньютон! – воскликнула Маргарет. – Наверное, все мы с сожалением покинем эту милую комнату.

– Честно говоря, мисс, лично я грустить не собираюсь. Глаза уже не такие острые, как прежде, а здесь так темно, что чинить кружева можно только у самого окна, на жутком сквозняке. Того и гляди замерзнешь насмерть!

– Зато уж в Неаполе будет светло и тепло, так что отложите штопку до лучших времен. Спасибо, Ньютон, я сама отнесу. Вы и без того заняты.

Маргарет отправилась вниз по лестнице с целой охапкой шалей в руках, вдыхая их пряный восточный аромат. Поскольку Эдит все еще спала, тетушка попросила ее исполнить роль манекена. Никто не подумал, что высокая, безупречно сложенная Маргарет, по случаю траура по дальнему родственнику отца одетая в черное шелковое платье, с особым блеском представит пышные складки роскошных шалей, в которых маленькая хрупкая Эдит попросту утонула бы. Маргарет безучастно, без единого слова стояла под люстрой, пока тетушка деловито расправляла драпировку. Время от времени, когда приходилось поворачиваться, она бросала быстрый взгляд в каминное зеркало, улыбалась при виде знакомых черт в ярком, достойном сказочной принцессы убранстве, бережно прикасалась к тонким тканям, с удовольствием ощущая их невесомую мягкость, и гордилась собой, по-детски радуясь великолепию. В эту минуту дверь внезапно распахнулась, и дворецкий торжественно объявил о приезде мистера Генри Леннокса. Некоторые из дам испуганно отпрянули, словно стыдясь сугубо женского интреса. Миссис Шоу приветственно вытянула руку, а Маргарет продолжала стоять неподвижно, покорно исполняя роль вешалки для шалей, устремив ясный, веселый взгляд на вошедшего гостя, словно не сомневалась в его сочувствии собственному нелепому положению.

Мистер Леннокс не успел к обеду, и сейчас тетушка погрузилась в подробные расспросы о брате и сестре, приехавших вместе с ним из Шотландии, чтобы исполнить на свадьбе почетные роли свидетеля жениха и подружки невесты, а также о прочих членах семейства. Маргарет поняла, что в услугах манекена здесь более не нуждаются, и посвятила себя развлечению гостей, о которых хозяйка мгновенно забыла. Спустя минуту, шурясь и моргая от яркого света, из соседней комнаты появилась Эдит со спутанными локонами, напомнив разбуженную, но еще не до конца проснувшуюся Спящую красавицу. Даже во сне она инстинктивно почувствовала, что ради члена семейства Леннокс стоит встать, и принялась засыпать гостя вопросами о дорогой Дженет – пока еще неведомой, однако уже горячо любимой будущей золовке. Только гордость удержала Маргарет от ревности к выскочке-сопернице. Тем временем тетушка поддержала общий разговор, и она позволила себе отступить на запасную позицию. Генри Леннокс столь прямо и сосредоточенно посмотрел на свободный стул рядом, что сомнений не осталось:

как только Эдит закончит допрос, он немедленно его займет. По сбивчивым рассуждениям тетушки трудно было понять, появится ли жених этим вечером, так что визит брата оказался едва ли не приятным сюрпризом. Теперь скучать точно не придется. Вкусы их в значительной степени совпадали. Лицо Маргарет светилось искренним, открытым интересом. Вскоре Генри Леннокс подошел, и она без тени смущения или застенчивости приветствовала его сияющей улыбкой.

– Полагаю, вы с головой ушли в работу – разумеется, чисто женскую. Ничего общего с моими юридическими штудиями. Игры с пестрыми шашками разительно отличаются от заключения контрактов.

– О, я знала, что, застигнув нас в минуту незамутненного восторга, вы искренне позабываетесь, однако индийские шашки и в самом деле не имеют себе равных.

– Ни на миг не сомневаюсь в их непревзойденных достоинствах. Да и цены вполне соответствуют качеству. О лучшем и мечтать не приходится.

В комнату один за другим вернулись джентльмены. Гул голосов заметно сгустился.

– Это последний званый обед? Другие до четверга не планируются?

– Нет. Кажется, после сегодняшнего вечера наконец-то удастся отдохнуть – впервые за несколько недель. По крайней мере, суэта позади: все готово к событию, достойному целиком занять и ум и сердце. Буду рада улучить минутку и спокойно подумать. Не сомневаюсь, что Эдит чувствует то же самое.

– Не знаю, как она, однако полагаю, что вы действительно заслужили отдых, ведь, насколько могу судить, в последнее время закружились в вихре чужих забот.

– Да, – печально подтвердила Маргарет, вспомнив непрерывную пустяковую суету длинной в месяц. – Неужели свадьбе неизбежно должно предшествовать то, что вы назвали вихрем забот, или иногда все-таки можно провести время тихо и спокойно?

– Чтобы все как у Золушки: фея-крестная закажет приданое, организует свадебный завтрак, напишет и разошлет приглашения, – со смехом продолжил Генри.

– Но разве все эти пустые, утомительные мелочи безусловно необходимы? – спросила Маргарет и посмотрела требовательно, ожидая прямого ответа и особенно остро ощущая неопишуемую усталость последних шести недель.

В борьбе за внешний эффект Эдит выступала в роли верховной власти, и сейчас Маргарет мечтала услышать несколько трезвых, ободряющих мыслей относительно церемонии бракосочетания.

– О, разумеется, – ответил мистер Леннокс почти серьезно. – Существуют обычаи и ритуалы, которые необходимо преодолеть не ради собственного удовлетворения, а чтобы заткнуть болтливые рты. Без этой затычки семейная жизнь не принесет счастья. Но как бы организовали свадьбу вы?

– Честно говоря, никогда об этом не думала. Знаю только, что все должно случиться чудесным летним утром. Хотелось бы идти в церковь под сенью деревьев. Так много подружек невесты вовсе ни к чему, да и свадебный завтрак тоже не нужен. Кажется, я отвергаю все, что сейчас доставило самые утомительные хлопоты.

– Нет, дело в другом. Идея достойной простоты вполне соответствует вашему характеру.

Маргарет эти слова не понравились, особенно когда на память пришли многочисленные попытки вовлечь ее в обсуждение собственного характера и пристрастий (причем сам мистер Леннокс всегда старался занять второстепенную позицию), поэтому она поспешила возразить:

– Не стоит удивляться, что, думая о свадьбе, я представляю церковь в Хелстоне и ведущую к ней дорогу, а вовсе не поездку в карете по тесным мощеным улицам Лондона.

– Расскажите о Хелстоне. Вы еще ни разу не описывали родные края. Хочу хотя бы мысленно увидеть то место, где будете жить, когда дом номер девяносто шесть по Харли-стрит

опустеет и превратится в пыльную, заброшенную, убогую лачугу. Прежде всего что это: село или город?

– О, даже селом не назовешь. Всего лишь деревушка, не больше. В центре возвышается церковь, а вокруг, на просторной лужайке, свободно разбросаны дома – совсем небольшие, но утопающие в розах.

– А завершает вашу картину непрерывное буйное цветение, особенно на Рождество, – добавил Генри.

– Ничего подобного, – раздраженно возразила Маргарет. – Совсем не пытаюсь нарисовать картину, а описываю Хелстон таким, каков он на самом деле. Так что вы напрасно это сказали.

– Простите, каюсь, – извинился мистер Леннокс. – Вот только ваша деревня действительно больше похожа на сказочную, чем на настоящую.

– Так и есть, – с готовностью согласилась Маргарет. – После нее все остальные места, которые довелось видеть в Англии, показались мне скучными и прозаичными. Хелстон напоминает деревню из стихотворения Теннисона. Но больше не буду ничего рассказывать. Если узнаете, что я действительно думаю, замучите насмешками.

– Совсем нет. Однако вижу, что сегодня вы настроены крайне решительно. В таком случае опишите хотя бы самое важное и интересное – дом священника.

– Но это же невозможно! Кто осмелится выразить словами очарование родного дома?

– Сдаюсь. Сегодня вы особенно суровы, Маргарет.

– Разве? – удивилась она, взглянув на собеседника большими нежными глазами. – А я и не знала.

– Конечно. Стоило мне вставить неудачное замечание, как сразу отказались рассказывать и о Хелстоне, и о своем доме. И это несмотря на то, что я честно признался: мечтаю услышать и о том и о другом. Особенно о доме.

– Но я действительно не могу рассказать о родительском доме. Больше того: считаю, что на эту тему вообще нельзя говорить.

– Что ж, в таком случае... – Генри Леннокс немного помолчал. – Тогда расскажите о том, чем там занимаетесь. Здесь вы в первой половине дня читаете, учитесь или каким-то иным способом работаете над собой. Потом гуляете. После ленча выезжаете с тетушкой в экипаже, а вечером каким-то образом развлекаетесь. А чем заполните день в Хелстоне? Будете ездить верхом, кататься в экипаже или ходить пешком?

– Разумеется, только пешком. У нас нет лошади, даже для папы. Он ходит в самые дальние уголки прихода. Вокруг так красиво, что стыдно ездить в коляске и даже верхом.

– А садом собираетесь заниматься? Полагаю, это подходящее занятие для молодой сельской леди.

– Не знаю. Боюсь, тяжелая работа мне не понравится.

– Состязания в стрельбе из лука? Пикники? Скачки? Охота?

– Нет-нет! – рассмеялась Маргарет. – Папин доход очень невелик. И даже если бы подобные развлечения проходили совсем близко, я вряд ли принимала бы в них участие.

– Вижу, что так ничего и не расскажете. Понятно лишь то, чем заниматься не собираетесь. Следовательно, придется во время отпуска вас навестить и собственными глазами увидеть, что происходит.

– Надеюсь, что действительно приедете и сможете по достоинству оценить красоту Хелстона. А теперь мне пора. Эдит садится за фортепиано, а моих познаний в музыке как раз хватает, чтобы вовремя переворачивать страницы. К тому же наш долгий разговор не понравится тетушке.

Эдит играла блестяще. В середине пьесы дверь приоткрылась, и заглянул капитан Леннокс. Она заметила, что он явно сомневается, можно ли войти, порывисто вскочила и выбежала из комнаты, предоставив покрасневшей от смущения, растерянной Маргарет объяснять изум-

ленным слушателям, что вызвало столь бурную реакцию исполнительницы. Капитан Леннокс приехал раньше, чем его ждали? Или слишком поздно? Гости дружно посмотрели на часы, испытав должный шок, и откланялись.

А вскоре Эдит вернулась под руку с высоким красивым капитаном, сияя от удовольствия и смущаясь. Братья обнялись, а миссис Шоу, всерьез считавшая себя жертвой несчастного брака, приветствовала будущего зятя в своей мягкой, любезной, чуть жалобной манере. Теперь, после кончины генерала, наслаждаясь всеми возможными благами и ни в чем себе не отказывая, богатая вдова с удивлением обнаружила, что испытывает тревогу, если не печаль. В последнее время, однако, она нашла причину дурного настроения в пошатнувшемся здоровье и всякий раз, думая об этом, нервно покашливала. К счастью, один услужливый доктор прописал вполне подходящее лечение: зиму в Италии. Миссис Шоу обладала столь же сильными и определенными желаниями, как большинство окружавших ее людей, однако не любила предпринимать конкретные шаги, открыто руководствуясь собственной волей и желаниями, предпочитая оправдывать поступки решениями или интересами родственников. Ей удавалось убедить себя в острой необходимости того или иного действия и тем самым обеспечить законную возможность тихо стонать и жаловаться, на самом деле осуществляя собственные тайные намерения.

Именно в таком тоне она заговорила о своем путешествии с капитаном Ленноксом. Руководствуясь правилами приличия, жених во всем соглашался с будущей тещей, однако не сводил глаз с Эдит, которая деловито распоряжалась, чтобы заново накрыли стол, несмотря на заверения капитана, что он пообедал не более двух часов назад.

Мистер Генри Леннокс стоял, прислонившись спиной к камину, и с интересом наблюдал за семейной сценой. С красивым братом его связывала тесная, искренняя дружба. Сам он не отличался столь же безупречной внешностью, однако в чертах живого, подвижного лица читался острый ум. Маргарет спросила себя, о чем он мог думать сейчас, когда молча, с интересом и легким сарказмом наблюдал за их с Эдит действиями. Сарказм относился к разговору миссис Шоу с братом и не имел ничего общего с интересом к происходящему. Напротив, суэта кузин вокруг стола казалась не просто милой, но очаровательной. Эдит спешила все сделать сама, явно стремясь показать возлюбленному, какая замечательная офицерская жена из нее получится. Выяснилось, что вода в кувшине успела остыть, и она приказала принести из кухни огромный чайник, в дверях забрала его у служанки и сама потащила к столу. Чайник оказался слишком тяжелым и закопченным, в результате на муслиновом платье осталось черное пятно, а на нежной белой руке – красная вмятина. Подобно поранившемуся ребенку, Эдит показала ладонку капитану, и лечение не заставило себя ждать. Маргарет тут же ловко приспособила спиртовку, которая и спасла положение, хотя плохо вписывалась в образ цыганского табора, который Эдит считала прообразом военной жизни.

Следующим утром началась суматоха, не утихавшая до конца свадьбы.

Глава 2. Розы и шипы

*Сквозь легкое кружево светлых лесов,
По мягким зеленым холмам,
В тот край, где безмолвная песнь облаков
К любимым манит берегам.*

Хеманс Ф.

Снова надев утреннее платье, Маргарет мирно возвращалась в Хелстон вместе с отцом, который приезжал на свадьбу. Мама осталась дома, сославшись на множество мелких обстоятельств, ни одного из которых не понимал никто, кроме самого мистера Хейла. Уж он-то точно знал, что все аргументы в пользу серого атласного платья, давно вышедшего из моды, абсолютно бесполезны. А поскольку денег на новый наряд не было, супруга наотрез отказалась появиться на свадьбе единственной дочери своей единственной сестры. Если бы миссис Шоу догадалась об истинной причине отсутствия на торжестве миссис Хейл, то завалила бы ее платьями. Однако с тех пор, как мисс Бересфорд – юная, хорошенькая и бедная как церковная мышь – превратилась в миссис Шоу – солидную светскую даму, жену богатого генерала – прошло почти двадцать лет. Понятно, что она успела окончательно забыть все огорчения, кроме единственного, о котором могла рассуждать бесконечно: несчастного брака, порожденного разницей в возрасте супругов. Дорогая Мария вышла замуж по любви, за человека лишь на восемь лет старше, с милейшим кротким характером и густыми иссиня-черными волосами, которые так редко встречаются в Англии. Мистер Хейл читал лучшие проповеди из всех, которые ей доводилось слышать, и по праву мог служить образцом приходского священника. Размышляя об участи сестры – возможно, не совсем логично, но вполне в своем духе, – миссис Шоу заключала: выйдя замуж по любви, о чем еще может мечтать дорогая Мария? На этот вопрос миссис Хейл могла бы ответить давно готовым списком желаний: «О серебристо-сером шелковом платье, о белой шляпке с цветами, еще о дюжине мелочей к свадьбе и сотне полезных в хозяйстве вещей».

Маргарет прекрасно понимала, что мама просто сочла поездку невозможной, и вовсе не жалела, что встреча состоится дома, в Хелстоне, а не в особняке на Харли-стрит, в суе последние дни, где сама она исполняла роль Фигаро, пытаясь повсюду успеть. При воспоминании обо всем, что пришлось сделать и сказать в последние сорок восемь часов, голова шла кругом и начиналась мигрень. Поспешное, поверхностное прощание с теми, кто долгое время жил рядом, заставляло горько сожалеть о безвозвратно ушедшем времени. То обстоятельство, что время это существовало, не имело значения: главное – что его больше никогда не будет. Сейчас, по дороге в родной любимый дом, на сердце легла неведомая тяжесть – тем более странная, что о возвращении она мечтала долгие годы, тоскуя из вечера в вечер, пока сон не топил сознание в густом тумане. Маргарет заставила себя отвернуться от воспоминаний о прошлом и обратиться к светлым картинам спокойного, полного надежд будущего. Глаза открылись для реального мира: вот отец откинулся на спинку вагонного сиденья и мирно задремал. Иссиня-черные волосы заметно поседел и поредели. Черты лица обострились слишком явственно и, если бы не элегантность линий, могли показаться некрасивыми. И все же лицо сохранило если не привлекательность, то благородство. Сейчас оно выглядело спокойным, однако отражало скорее отдых после утомительных трудов, чем безмятежность человека, ведущего мирную, исполненную довольства жизнь. Тревога и усталость проступали с такой болезненной очевидностью, что Маргарет обратилась мыслями к известным обстоятельствам жизни отца, пытаясь найти

в них причину неизменной глубокой печали, и подумала, вздохнув: «Бедный Фредерик! Если бы только он избрал путь священника, а не отправился служить на флот и пропал для всех нас! Если бы можно было узнать об этом больше! Из рассказов тетушки Шоу удалось понять лишь то, что из-за какой-то ужасной истории брат не может вернуться в Англию. Как папа страдает! Каким печальным выглядит! Хорошо, что я возвращаюсь домой и отныне смогу утешить и его и маму».

Проснувшись, отец увидел на лице дочери светлую, без тени усталости улыбку и улыбнулся в ответ, хотя и слабо, как будто усилие оказалось непривычным. Лицо тотчас приняло обычное озабоченное выражение. Особенность мимики – чуть приоткрытый, словно для начала разговора, рот – слегка искривляла губы и создавала впечатление растерянности, однако такие же, как у дочери, большие мягкие глаза в окружении густых ресниц смотрели на мир пристально и почти величественно. Маргарет больше походила на отца, чем на мать. Многие удивлялись, как случилось, что у таких красивых родителей дочь настолько далека от признанного идеала, а некоторые даже считали ее совсем непривлекательной: рот широкий, вовсе не похожий на розовый бутон, способный раскрыться лишь настолько, чтобы произнести «да», «нет» и «как вам угодно, сэр», зато губы полные, яркие, мягко изогнутые. Кожа, пусть и не безупречно белая и чистая, была все же гладкой и нежной, как слоновая кость. Если обычно ее лицо сохраняло выражение слишком серьезное и сосредоточенное для столь молодой девушки, то сейчас, во время разговора с отцом, сияло подобно летнему утру, а улыбка и светлый взгляд говорили о детской радости и бесконечных надеждах.

Маргарет вернулась домой во второй половине июля. Лес превратился в плотный темно-зеленый шатер; папоротники жадно ловили косые солнечные лучи, с трудом пробивавшиеся сквозь густые кроны. Горячий воздух застыл, погрузившись в тяжкую задумчивость середины лета. Маргарет сопровождала отца в его путешествиях по приходу, с жестокой радостью приминала попадавший под ноги папоротник, слушала легкий треск, вдыхала характерный терпкий аромат. Лес сменялся широкими, щедро залитыми солнцем полянами, где среди буйства трав и цветов радовались теплу и свободе многочисленные дикие существа. Такая жизнь – во всяком случае, прогулки – в полной мере соответствовала заветным предвкушениям. Маргарет Хейл гордилась своим краем: его люди стали ее людьми, – нянчила детей, медленно, терпеливо беседовала со стариками; приносила гостинцы больным; готовилась давать уроки в школе, куда ежедневно, с непререкаемой педантичностью, ходил отец. Она сердечно подружилась со всеми; узнала и по достоинству оценила характерный местный говор; почувствовала себя свободной и равной.

Внешняя жизнь текла безупречно, а вот внутренняя, домашняя, часто огорчала. Подчиняясь здоровому стыду, Маргарет винила себя за слишком острое зрение, позволявшее заметить, что далеко не все идет как надо. Матушка – прежде неизменно добрая и нежная – теперь постоянно выглядела усталой и раздраженной из-за того, что епископ не переводит мистера Хейла на более достойную службу, и порой едва ли не упрекала мужа в нерешительности и неспособности открыто заявить о желании покинуть бедный приход и получить новое, хорошо оплачиваемое место. В ответ мистер Хейл со вздохом отвечал, что должен благодарить Создателя за то, что способен что-то сделать хотя бы в маленьком Хелстоне. Однако силы его с каждым днем таяли, а действительность наступала все решительнее и жестче. Маргарет видела, как с каждой новой вспышкой агрессии у матери, требовавшей лучшей жизни, отец все больше сжимался и уходил в себя. В такие моменты она, как могла, старалась примирить матушку с родной деревней. Миссис Хейл уверяла, что близость леса дурно влияет на ее здоровье, и дочь выводила ее на красивую, просторную, освещенную солнцем и продуваемую свежим ветром деревенскую площадь. Маргарет считала, что матушка слишком много времени проводит заперти и ей следует выходить куда-нибудь еще, кроме церкви, школы и нескольких соседних домов. Некоторое время прогулки помогали, но с наступлением осени и резкой переменой

погоды жалобы на нездоровый воздух не просто возобновились, но усилились и приобрели категоричный характер. Недовольство особенно обострилось после того, как супруг, превосходящий в учености и красноречии как мистера Хьюма, так и мистера Хаулдворта, пропустил полученное обоими продвижение по службе.

Глубокий разлад между родителями стал для Маргарет неожиданным испытанием. Она сознавала и с радостью принимала необходимость отказаться от многих привилегий и удовольствий, ограничивавших свободу на Харли-стрит. Радость, доставляемая чувственными наслаждениями, в полной мере уравновешивалась гордым сознанием собственной способности обойтись без них, однако туча никогда не закрывает небо с той стороны, откуда мы ее ждем. Прежде, когда Маргарет приезжала домой на каникулы, недовольство матери ограничивалось легкими жалобами и мимолетными сожалениями, однако в светлых воспоминаниях о счастлилом времени она забывалась и упускала из виду мелкие неприятные подробности настоящего. Во второй половине сентября осень заявила о своих правах дождями и холодом, заставив проводить дома гораздо больше времени, чем летом. Хелстон располагался далеко от тех мест, где обитали люди их круга.

– В Англии не найти дыры глубже, – пожаловалась миссис Хейл в очередном приступе уныния. – Не перестаю сожалеть, что у папы здесь совсем нет знакомых. Он так замкнут. Не общается ни с кем, кроме крестьян и рабочих. Если бы мы жили в противоположном конце прихода, и то было бы легче: можно было бы пешком дойти до Стэндфилдов, да и Горманы оказались бы по соседству.

– Горманы? – переспросила Маргает. – Уж не те ли, что составили состояние на торговле в Саутгемптоне? О! Я рада, что мы с ними не общаемся. Не люблю купцов. По-моему, куда приятнее иметь дело с простыми крестьянами – у них хотя бы нет претензий.

– Нельзя быть такой привередливой, Маргарет! – воскликнула матушка, думая о молодом красивом мистере Гормане, которого однажды встретила в доме мистера Хьюма.

– Ничего подобного! Напротив, мой вкус широк и свободен. Люблю тех, кто работает на земле; люблю военных, моряков и представителей трех ученых профессий. Уверена: ты не поставишь мне в упрек отсутствие восхищения перед мясниками, булочниками и свечных дел мастерами. Разве не так, мама?

– Однако Горманы не мясники и не булочники. Они заслужили уважение изготовлением прекрасных экипажей.

– Замечательно. Строительство и продажа карет тоже ремесло, причем куда менее полезное, чем дело мясника или булочника. О, до чего же мне надоело изо дня в день выезжать в экипаже тетушки Шоу! Как я мечтала пройтись пешком по улице или парку!

И Маргарет ходила пешком вопреки погоде. На воздухе, рядом с отцом, ее охватывала такая радость, что хотелось танцевать. Стоило же среди вересковой пустоши подуть западному ветру, как она летела вперед подобно сорванному с дерева невесомому листу. Однако долгие вечера доставляли все больше неприятностей. Сразу после чая отец удалялся в маленькую библиотеку, и мать с дочерью оставались вдвоем. Миссис Хейл мало интересовалась книгами, и с первых дней совместной жизни запретила мужу читать ей вслух, в то время как занималась рукоделием. Одно время они пытались играть в нарды, однако вскоре оставили и это совместное занятие. Мистер Хейл все глубже погружался в проблемы прихода и школы, а жена воспринимала внезапные обращения и вызовы не как естественные условия работы, а как жизненные трудности, поэтому, пока дети были маленькими, взял за правило проводить вечера (если оставался дома) за чтением философских книг, в которых находил большое удовольствие.

Приезжая на каникулы, Маргарет привозила объемистые коробки с книгами, рекомендованными учителями и гувернанткой, однако даже летние дни оказывались слишком короткими, чтобы прочесть все до возвращения в город. Сейчас дома нашлись лишь красиво переплетенные и почти не читанные произведения английских классиков, извлеченные из

отцовской библиотеки и размещенные на небольших полках в гостиной. «Времена года» Томпсона, «Каупер» Хейли, «Цицерон» Мидлттона оказались среди них самыми новыми, легкими и занятыми, так что читать было нечего. Чтобы скоротать время, Маргарет подробно, не пропуская ни малейшей детали, рассказывала матушке о лондонской жизни. Миссис Хейл слушала с заинтересованным вниманием, порой задавала вопросы, а иногда с завистливым раздражением сравнивала легкую удобную жизнь сестры с убожеством быта сельского vicar. В такие вечера Маргарет резко обрывала беседу, предпочитая молча слушать, как монотонно стучит дождь в стекло маленького эркера. Пару раз, обнаружив, что механически считает капли, она спрашивала себя, нельзя ли набраться храбрости и задать главные вопросы: где сейчас Фредерик, чем занимается и когда родители в последний раз получали от него известия, – однако то обстоятельство, что и слабое здоровье миссис Хейл, и ее непримиримое отвращение к Хелстону стали следствием преданного забвению трагического происшествия с участием брата, о котором сама Маргарет почти ничего не слышала, заставляли снова и снова откладывать разговор. Рядом с матерью казалось, что лучше обратиться за разъяснениями к отцу, однако заговорить с ним на тяжкую болезненную тему не хватало мужества. Возможно, ничего нового она бы не услышала.

В одном из писем, полученных накануне отъезда с Харли-стрит, отец сообщал, что Фредерик прислал весточку. Брат по-прежнему живет в Рио, здоров и передает ей сердечный привет. Однако эти слова составляли лишь пустой, не заполненный жизненной правдой контур. Во время редких упоминаний о брате всегда говорили как о «бедном Фредерике». Комната его оставалась неприкосновенной и тщательно сохранялась. Диксон, горничная миссис Хейл, поддерживала там чистоту и порядок, хотя давно не выполняла никакой иной работы. Зато она отлично помнила тот день, когда леди Бересфорд наняла ее прислуживать двум очаровательным подопечным сэра Джона. Обе мисс Бересфорд считались первыми красавицами графства Ратлендшир. Мистера Хейла Диксон всегда считала не иначе как напастью, разрушившей судьбу ее дорогой госпожи. Если бы мисс Бересфорд не поспешила выскочить замуж за бедного сельского священника, то ее, несомненно, ждала бы блестящая жизнь. Однако верная горничная не покинула бедняжку в несчастье и печали (то есть в замужестве): осталась рядом, чтобы, подобно доброй фее, преданно защищать ее интересы и отражать злобные нападки жестокого тирана, коим она считала мистера Хейла. Мастер Фредерик по-прежнему оставался ее любимцем и гордостью, поэтому раз в неделю Диксон забывала о собственном величии и с нежностью наводила в комнате идеальный порядок, словно хозяин должен был приехать в тот же вечер.

Маргарет не могла избавиться от ощущения, что недавно от Фредерика поступили новые сообщения, неизвестные матери и в то же время глубоко расстроившие отца, но сама миссис Хейл не замечала перемен в настроении и внешности мужа. Его манеры неизменно оставались мягкими и учтивыми, он по-прежнему живо отзывался на любое известие о проблемах прихожан, подолгу переживал чью-то смерть или преступление. Однако в последнее время Маргарет заметила рассеянность отца: казалось, сознание его занято мыслями, тяжесть которых не способны облегчить привычные дела, будь то утешение вдов или преподавание в школе в надежде воспитать разумное поколение. Теперь мистер Хейл меньше общался с прихожанами, а больше времени проводил в кабинете и с нетерпением дожидался почтальона, которому прежде приходилось подолгу стучать в кухонное окно, прежде чем кто-нибудь обращал на него внимание. В последнее время в хорошую погоду отец бесцельно бродил по саду, а в дождь неподвижно стоял возле окна кабинета до тех пор, пока почтальон не показывался на дорожке и не проходил мимо, почтительно и в то же время заговорщицки качая головой. Священник подолгу провожал его взглядом, наблюдая, как тот минует кусты шиповника и скрывается за огромным земляничным деревом, и лишь после этого с рассеянным, печальным видом приступал к рутинной работе.

Маргарет, слава богу, пребывала в том счастливом возрасте, когда любое дурное предчувствие, не подкрепленное точным знанием, с легкостью отступает перед ясным солнечным днем или нечаянной радостью, поэтому, стоило октябрю подарить две чудесные теплые недели, как все заботы улетели, подобно пуху с цветка чертополоха, и остались только красота и величие леса. Сбор папоротника уже закончился, и теперь, в сухую погоду, открылись поляны, которыми прежде – в июле и августе – можно было любоваться лишь издали. В Лондоне она брала уроки рисования вместе с Эдит, и в мрачную осеннюю погоду уже не раз пожалела о летней праздности, поэтому сейчас твердо решила сделать наброски, чтобы обстоятельно подготовиться к зимней работе. Одним прекрасным утром она собирала папку, чтобы отправиться в лес, когда горничная Сара распахнула дверь гостиной и торжественно объявила:

– Мистер Генри Леннокс.

Глава 3. Чем опасна поспешность

*Доверия милой добиться сумей
Высоким душевным полетом,
Бесстрашием мысли, свободой идей
И верности рыцарским счетом.*

*Веди ее прочь от тщилавия дня
К сиянию звездных ночей;
Пусть слово твое, как частица огня,
Растопит лед лживых речей.*

Браунинг Э. Б.

Мистер Генри Леннокс. Маргарет только что о нем думала: вспоминала, как он расспрашивал, чем она собирается заниматься дома. В таких случаях обычно говорят: легок на помине. С радостной улыбкой она положила папку и, прежде чем обратиться к виновнику приятного переполоха, попросила горничную:

– Сара, сообщи маме о приезде мистера Генри Леннокса.

Маргарет поспешила навстречу неожиданному гостю.

– Так хочется расспросить вас об Эдит! Благодарю за то, что выбрались к нам.

– Разве я не обещал? – негромко уточнил мистер Леннокс.

– Но я слышала, что вы отправились на север Шотландии, а это так далеко от Гэмпшира.

– О! – беззаботно отмахнулся Леннокс. – Наши молодожены каких только глупостей не придумывали! С риском для здоровья лазили по горам, плавали в лодке по озеру. Вот я и решил, что необходимо срочно присмотреть за непослушными детьми. Дядюшка совсем с ними не справлялся и с утра до вечера паниковал. Действительно, стоило лишь однажды увидеть, насколько они ненадежны, как пришлось остаться до конца и лично проследить, чтобы они благополучно сели на корабль в Плимуте.

– Значит, вы были в Плимуте? Эдит ни разу об этом не упоминала. Правда, в последнее время ее письма так коротки и поспешны! Значит, они и в самом деле отплыли во вторник?

– Да, к счастью, чем избавили меня от множества обязанностей. Эдит просила передать горячий привет и небольшую записку. Сейчас найду. Ах вот и она.

– О, спасибо! – воскликнула Маргарет и, желая прочесть письмо в одиночестве, вышла, сославшись на необходимость позвать маму (Сара, похоже, забыла про ее поручение).

Оставшись в одиночестве, Генри с интересом осмотрелся. В лучах яркого солнца вид из гостиной был просто прелестным. В распахнутое окно эркера с любопытством заглядывали запоздалые розы, из-за угла виднелись ветви алой жимолости. Маленькая лужайка пестрела разноцветной вербеной и геранью. Стоило отвернуться от окна, и в глаза сразу бросалась бедность обстановки, которую яркие краски за окном только подчеркивали. На полу лежал старый потертый ковер, обивка дивана и кресел тоже поблекла от времени. Да и дом в целом оказался меньше и беднее, чем того требовал царственный облик Маргарет. Леннокс взял со стола книгу: «Рай» Данте – старинное итальянское издание в белом кожаном переплете с золотым тиснением. Рядом лежали словарь и тетрадь с выписанными рукой Маргарет выражениями. Ничего особенного они собой не представляли, но смотреть почему-то было приятно.

Леннокс глубоко вздохнул и положил книгу на место. Достаток, кажется, действительно очень скромный, как она и сказала. Странно, ведь Бересфорды хорошая семья.

Тем временем Маргарет отыскивала матушку. К несчастью, миссис Хейл пребывала в дурном расположении духа и все вокруг видела исключительно в мрачном свете, поэтому появление мистера Леннокса восприняла как едва ли не катастрофу, хотя внимание столичного джентльмена ей льстило.

– Какое несчастье! Сегодня мы обедаем рано, причем только холодным мясом, чтобы слуги успели погладить белье. Но мистера Леннокса надо обязательно пригласить к столу, ведь он деверь Эдит! А папа с самого утра крайне расстроен. Не знаю, чем именно. Только что заходила в кабинет: он сидел за столом, опустив голову и закрыв лицо ладонями. Я сказала, что воздух Хелстона ему вреден, – точно так же как и мне, – а в ответ он попросил больше ни слова не говорить о Хелстоне, потому что больше не может терпеть мои жалобы. Похоже, Хелстон – единственное на земле место, которое он любит, но я все равно уверена, что воздух здесь сырой и нездоровый.

Маргарет показалось, что солнце померкло, однако она терпеливо выслушала привычные стенания, чтобы позволить матери излить душу, а потом пришло время напомнить о госте.

– Думаю, папа обрадуется визиту. Он с симпатией относится к мистеру Ленноксу. На свадебном завтраке они много беседовали. А об обеде не беспокойся. Два часа – самое время для ленча, так что холодное мясо прекрасно подойдет.

– Но что же мы будем с ним делать до двух часов? Ведь сейчас только половина одиннадцатого.

– Приглашу мистера Леннокса на этюды: я как раз собиралась, а он хорошо рисует, так что уберу его подальше с твоих глаз. А сейчас пойдем в гостиную: будет не очень вежливо, если ты не покажешься.

Миссис Хейл сняла черный шелковый фартук, поправила прическу и провела ладонью по лицу. Выглядела она весьма привлекательной и благородной дамой, а гостя приветствовала с почти родственной сердечностью. Мистер Леннокс в свою очередь, явно надеясь на приглашение провести в доме весь день, с такой радостной готовностью согласился остаться на ленч, что миссис Хейл даже захотелось дополнить холодное мясо чем-нибудь еще. Ему все нравилось. Предложение Маргарет отправиться с ней на этюды он принял с восторгом и заявил, что ни за что на свете не осмелится побеспокоить мистера Хейла и дожидается встречи за обедом. Маргарет позволила гостю выбрать бумагу и кисти, после чего в самом веселом настроении повела его по знакомой тропинке.

– Давайте остановимся на пару минут, – попросила она вскоре. – В дождливые дни эти дома то и дело вставали перед глазами: словно упрекали за то, что до сих пор их не запечатлела.

– Напоминали о себе, пока окончательно не развалились и не исчезли с лица земли. В самом деле, если уж рисовать – а они и впрямь очень живописны, – то лучше не откладывать до будущего года. Но где же мы сядем?

– Должно быть, вы приехали сюда из своих Судебных иннов, а вовсе не провели два месяца в горах Шотландии! Взгляните на это превосходное дерево! Лесорубы оставили его как раз на нужном месте. Достаточно прикрыть ствол пледом, и получится настоящий лесной трон.

– А лужа вполне сойдет за королевскую подушку для ног. Подождите, я подвинусь: так вам будет удобнее. Кто живет в этих лачугах?

– Сквоттеры построили их примерно пятьдесят-шестьдесят лет назад. Одна пустует, а в другой живет старик. Как только он умрет, оба дома уничтожат – лесорубы давно собираются. Смотрите, вот он! Мне обязательно нужно подойти поздороваться. Он настолько глух, что вы непременно услышите все наши секреты.

Старик остановился перед хижиной и замер, опершись на посох, но потом увидел Маргарет и его грубое, суровое лицо смягчилось и расплылось в широкой улыбке.

Генри умело изобразил в центре композиции две фигуры, подчинив им окружающий пейзаж. Маргарет, обнаружила это, когда пришла пора показать друг другу готовые работы.

– Так нечестно! – взглянув на свежую акварель, рассмеялась она и густо покраснела. – Не подозревала, что мы со старым Исааком служим вам моделями. Вот зачем вам понадобилось, чтобы я попросила его рассказать историю хижин.

– Не смог устоять. Искушение оказалось слишком велико. Мне безумно нравится этот рисунок, признаюсь!

Генри не знал, успела ли Маргарет услышать последнюю фразу, прежде чем спустилась к ручью, чтобы вымыть кисточки. Вернулась она вполне невозмутимой и внешне спокойной – только вот пылающие щеки выдавали. Леннокс обрадовался, так как замечание сорвалось с языка случайно, – редкий случай для человека, привыкшего обдумывать каждое слово и каждый шаг.

Дом встретил их приветливо и жизнерадостно. Хмурость матушки рассеялась под благотворным влиянием пары жирных карпов, весьма кстати подаренных соседкой. Мистер Хейл, вернувшись с утреннего обхода прихожан, ожидал гостя возле садовой калитки. Даже в старом сюртуке и потертой шляпе джентльмен выглядел безупречно.

Маргарет гордилась отцом и всякий раз искренне радовалась, когда видела, какое благоприятное впечатление он производит на новых знакомых. Сейчас, однако, от ее внимательного взгляда не ускользнули следы глубокой тревоги, хоть и скрытой от посторонних глаз, но не отступившей.

Мистер Хейл попросил показать акварели и, прежде чем вернуть дочери ее работу, заметил:

– Тебе не кажется, что соломенная крыша получилась слишком темной?

– Нет, папа! Мне кажется, все правильно. Молодило и очиток темнеют под дождем. Разве не так?

Отец протянул руку к рисунку мистера Леннокса.

– Похоже, правда?

– Да, очень похоже, – согласился отец. – Твоя фигура и манера держаться переданы превосходно. Да и старый Исаак горбится именно так. А что это висит на дереве? Неужели птичье гнездо?

– Нет-нет, что ты! Это моя шляпа. Не могу в ней рисовать, очень жарко. Знаешь, мне тоже хочется попробовать изобразить человеческие фигуры. Вокруг столько интересных людей!

– Уверен, что у вас все получится. Надо только очень захотеть и постараться, – ободряюще заметил мистер Леннокс. – По-моему, мне действительно удалось уловить сходство.

Мистер Хейл вошел в дом, а Маргарет задержалась в саду сорвать несколько роз, чтобы украсить к обеду свое платье.

«Обычная лондонская девушка поняла бы, что он хотел сказать, – подумал Генри, – «неприменно вспомнила бы каждую фразу, чтобы отыскать скрытый комплимент, но мисс Хейл...»

– Подождите! – воскликнул Леннокс. – Позвольте, помогу.

Генри сорвал с куста несколько бархатистых малиновых цветков, до которых Маргарет не смогла дотянуться, вставил две розы в петлицу, а остальные отдал ей.

За столом неспешно тек спокойный приятный разговор. Хозяевам и гостю хотелось задать друг другу множество вопросов, обменяться новостями о жизни миссис Шоу в Италии. В свободной увлекательной беседе, в непритворной простоте сельской жизни – особенно рядом с Маргарет – Генри быстро забыл о том мимолетном разочаровании первой минуты, с которым убедился, что, описав достаток отца как весьма скромный, мисс Хейл сказала чистую правду.

– Маргарет, дитя мое, почему бы тебе не собрать на десерт груш? – предложил мистер Хейл, едва роскошь гостеприимства увенчалась только что откупоренной бутылкой вина.

Миссис Хейл сбилась с ног. Судя по всему, десерты появлялись на ее столе не каждый день. Однако если бы мистер Хейл оглянулся, то увидел бы печенье, мармелад и прочие сладости, расставленные на буфете в строгом порядке, и вполне можно было обойтись без груш.

– У южной стены созрел бергамот, достойный соперничать с южными плодами. Сбегай, дочка, и принеси нам несколько штук.

Похоже, мысль о грушах прочно укоренилась в сознании хозяина, и сдавать позиции он не собирался.

– А что, если выйти в сад и съесть райские плоды на месте? – предложил мистер Леннокс. – Нет ничего приятнее, чем вонзить зубы в хрустящую мякоть сочной, согретой солнцем груши. Жаль только, что осы считают их своей собственностью и не церемонятся с теми, кто на нее посягает.

Генри встал, намереваясь следом за Маргарет отправиться в сад и дожидаясь позволения хозяйки. Миссис Хейл предпочла бы продолжить обед так же церемонно и гладко, как он шел до этой минуты и как, по ее мнению, подобало сестре вдовы генерала Шоу (с этой целью они с Диксон даже достали из кладовки хрустальные бокалы), но мистер Хейл уже поднялся и супруге больше ничего не оставалось, кроме как уступить общему настроению.

– Пожалуй, вооружусь ножом, – заметил священник. – Прошли те дни, когда и я мог поглощать фрукты тем примитивным, варварским способом, который вы только что описали. Теперь приходится все чистить и резать на дольки.

Маргарет сорвала свекольный лист и соорудила тарелку, особенно живописно оттенявшую золото сочных плодов. Генри смотрел не столько на десерт, сколько на нее, в то время как мистер Хейл, решив со всей возможной глубиной прочувствовать безмятежность и красоту украденного у тревоги часа, с пристрастием выбрал самую спелую грушу и уселся на садовую скамейку, чтобы спокойно вкусить блаженство.

Маргарет и мистер Леннокс, предоставив ему такую возможность, медленно пошли по дорожке вдоль южной стены, где все еще деловито жужжали пчелы.

– Какую восхитительную жизнь вы здесь ведете! Всегда презирал поэтов, воспевавших хижину у подножия холма и все такое прочее. Но правда заключается в том, что я ничем не лучше кокни. Сейчас кажется, что двадцать лет прилежных занятий юриспруденцией не стоят одного года этой чистой безмятежной жизни. Какое синее небо! – Генри поднял взгляд и показал на огромное дерево, надежно защищавшее сад от остального мира. – Какие яркие, багрово-янтарные листья!

– И все же не стоит забывать, что наше небо не всегда такое синее, как сейчас. Случаются дожди, листья имеют обыкновение опадать, мокнуть, чернеть и гнить. Впрочем, Хелстон безупречен не больше, чем любое другое место на земле. Вспомните, с каким презрением вы встретили мой рассказ о нем на Харли-стрит: назвали деревней из сказки.

– «Презрение» – чересчур сильное слово, Маргарет.

– Возможно. Дело в том, что мне хотелось поделиться самым дорогим воспоминанием, а вы... какое же слово подобрать? Отозвались о Хелстоне неуважительно, даже с пренебрежением.

– Больше никогда не поступлю так опрометчиво! – горячо пообещал Леннокс.

Они завернули за угол.

– Хотелось бы, Маргарет... – Он умолк и остановился в нерешительности.

Успешный юрист всегда выглядел настолько уверенным в себе, что Маргарет взглянула на него удивленно и вопросительно, однако уже в следующий миг – сама не понимая почему – захотела поскорее вернуться к матери, к отцу; уйти от него подальше, чтобы не слышать тех слов, ответа на которые не знала. В другое время сильная воля и гордость подавили бы внезапное волнение – хотелось бы верить, оставшееся незамеченным. Разумеется, она сумеет

найти слова, причем единственно правильные. Как трусливо и недостойно опасаться разговора, как будто она не сможет прервать его проявлением девичьего достоинства.

– Маргарет! – Леннокс внезапно взял ее за руку, так что ей пришлось остановиться и, презирая себя за сердечный трепет, обратиться в слух. – Как бы мне хотелось, чтобы вы любили Хелстон не так преданно, не чувствовали себя здесь абсолютно спокойной и счастливой. После трехмесячной разлуки я надеялся увидеть, что вы тоскуете по Лондону и хотя бы немного скучаете по лондонским друзьям. Возможно, тогда вы более благосклонно выслушали бы человека, который пока не готов предложить многое – лишь надежды на будущее, – но любит вас всем сердцем и не может более скрывать свои чувства.

Все время, пока он произносил свою пламенную речь, она упрямо старалась выдержать руку, поэтому Генри насторожился:

– Неужели я вас напугал? Ответьте же!

Губы ее задрожали, в глазах появились слезы. Усилием воли Маргарет заставила себя успокоиться, и лишь когда справилась и голос ей подчинился, заговорила:

– Вы меня ошеломили. Не подозревала ничего подобного. Всегда считала вас другом и, пожалуйста, впредь хотела бы того же. Речи, подобные вашей, совсем мне не нравятся. Не могу ответить так, как вам бы хотелось, и в то же время боюсь вас огорчить.

– Маргарет, – произнес Генри, посмотрев ей в глаза и встретив открытый, прямой взгляд, полный искренней веры и боязни причинить боль.

«Возможно, вы уже кого-то любите?» – хотел было он спросить, но почувствовал, что вопрос оскорбит незамутненную глубину этих глаз.

– Простите за спешку и прямоту. Я наказан. Позвольте хотя бы надеяться. Подарите слабое утешение заверением, что никогда не встречали никого, кого могли бы...

Закончить фразу у него не хватило смелости, и Маргарет безжалостно обвинила себя в жестокости.

– Ах если бы только вы не поддались своевольной фантазии! До чего приятно было думать о вас как о добром друге!

– Но можно ли мне надеяться, что когда-нибудь вы сможете подумать обо мне иначе? Понимаю, не сейчас – спешить некуда, – но спустя некоторое время...

Маргарет помолчала, пытаясь заглянуть в собственное сердце, чтобы узнать правду, и наконец ответила:

– Никогда не представляла, что вы будете для меня кем-то еще помимо друга. Мне не хочется разочаровываться. Умоляю, давайте забудем об этом (хотела сказать «неприятном», но вовремя спохватилась) разговоре.

Мистер Леннокс на сей раз ответил в своей обычной холодной манере, причем выдержав приличествующую случаю паузу:

– Конечно, если чувства ваши настолько определены, а разговор столь неприятен, то лучше впредь о нем не вспоминать. В теории все просто, в том числе и забыть о боли, однако в жизни сделать это будет нелегко. Во всяком случае, мне.

– Вы уязвлены, – печально заметила Маргарет. – Но что же мне делать?

Слова прозвучали с такой искренней горечью, что Генри попытался подавить глубокое разочарование и заговорил более жизнерадостно, хотя голос прозвучал по-прежнему жестко:

– Вы должны принять в расчет унижение не только возлюбленного, но мужчины, отвергнутого в лучших чувствах, причем мужчины рассудительного и светского, по воле страсти изменившего собственным привычкам. Что ж, не будем больше об этом. И все же сердце глубоко ранено отказом и отчуждением. Придется найти утешение в презрении к собственной глупости. Подумать только: начинающий адвокат задумал жениться!

Маргарет не нашлась с ответом. Сам тон разговора ее раздражал, подчеркивая и обостряя те черты характера мистера Леннокса, которые всегда вызывали отторжение. И все же он

оставался приятнейшим из людей, самым чутким другом, способным понять ее лучше всех тех, кто когда-либо появлялся на Харли-стрит. К боли недавнего отказа примешалось легкое презрение, на губах мелькнула пренебрежительная усмешка. Хорошо, что, обойдя сад, они неожиданно наткнулись на мистера Хейла, о присутствии которого совсем забыли. Он все еще с наслаждением вкушал грушу, бережно и искусно очистив ее одной длинной, до прозрачности тонкой спиралью. Зрелище напоминало притчу о восточном владыке, по приказу волшебника окунувшего голову в сосуд с водой и, прежде чем спустя мгновение снова ее поднять, увидевшего всю свою жизнь. Маргарет чувствовала себя разбитой, не могла найти силы, чтобы поддержать завязавшийся между отцом и мистером Ленноксом обыденный разговор, и молча грустила, спрашивая себя, когда же наконец гость уедет и позволит погрузиться в раздумья о событиях последней четверти часа. Мистер Леннокс мечтал о расставании точно так же, как и она, однако несколько минут непринужденной светской беседы, каких бы невероятных усилий они ни стоили, послужили необходимой жертвой то ли оскорбленному тщеславию, то ли самоуважению. Время от времени он бросал мимолетные взгляды на задумчивое, печальное лицо.

«Я не настолько ей безразличен, как она хочет думать, – пронеслась в сознании дерзкая мысль. – Нельзя терять надежду».

Последнюю четверть часа Генри провел в настроении сдержанного сарказма. О жизни в Лондоне и жизни в деревне он рассуждал так, словно сознавал собственную склонность к насмешкам и боялся дать себе волю, чтобы не скатиться в откровенный сарказм. Мистер Хейл недоумевал. Гость неожиданно предстал совсем не тем человеком, каким выглядел на свадебном завтраке в Лондоне и сегодня за обедом: сейчас казался значительно живее, умнее, опытнее в светской жизни. Все эти качества мало импонировали мистеру Хейлу, так что, едва мистер Леннокс заявил, что должен немедленно удалиться, чтобы успеть на пятичасовой поезд, все трое вздохнули с облегчением и вернулись в дом, чтобы разыскать миссис Хейл и гость мог с ней проститься. В последний момент истинная душа Генри все-таки прорвалась сквозь налет холодного самообладания.

– Маргарет, не презирайте меня. Несмотря на всю эту никчемную болтовню, в груди моей бьется живое сердце, и доказательством тому служат мои чувства. За то пренебрежение, с которым вы слушали меня последние полчаса, я люблю вас еще глубже и преданнее – несмотря на горечь поражения. Прощайте, Маргарет!

Глава 4. Сомнения и трудности

*В бесприютном пустынном краю,
Где бушует холодный прибой,
О тебе свою песню пою,
Среди волн обретая покой.*

Хабингтон У.

Он ушел. Дверь заперли до утра. Синее небо, алые листья и янтарные блики померкли. Маргарет отправилась переодеться к раннему чаю и нашла Диксон изрядно рассерженной вторжением незваного гостя в строгий распорядок напряженного дня. Гнев проявился в яростных рывках расчески сквозь густые волосы молодой госпожи, якобы вызванных необходимостью срочно явиться к миссис Хейл. И все же Маргарет пришлось долго сидеть в гостиной в ожидании матушки. Она устроилась возле камина, не зажигая свечей, и предалась воспоминаниям о прошедшем дне: о счастливой прогулке по лесу, плодотворном пленере, приятном мирном обеде и отчаянно неловком, оскорбительном разговоре в саду.

Насколько мужчины не похожи на женщин! Вот она сидит и глубоко страдает из-за того, что не смогла ответить иначе как решительным отказом, а мистер Леннокс, получив отрицательный ответ на самое важное, самое искреннее в жизни предложение, уже спустя несколько минут заговорил легко и непринужденно. Казалось, успешная карьера и ее поверхностные последствия в виде хорошего дома и блестящего общества составляли его единственный интерес. Ах как бы она могла его любить, будь он другим – таким, каким оставался в глубине души. Потом пришла другая мысль: за внешней беззаботностью вполне могла скрываться столь же острая горечь разочарования, какую испытала бы она сама, открыв чувства и не встретив взаимности.

Матушка вошла в гостиную прежде, чем вихрь сомнений успел стихнуть и приобрести видимость порядка. Пришлось стряхнуть воспоминания о событиях долгого дня и превратиться в сочувствующего слушателя. Маргарет узнала, как сокрушалась Диксон по поводу очередного прожженного одеяла для глаженья и как Сьюзен Лайтфут появилась с искусственными цветами на шляпке, чем доказала легкомыслие и отсутствие вкуса. Мистер Хейл пил чай в отрешенном молчании, так что надеяться на его участие в беседе не приходилось. Маргарет удивлялась, как родители могут проявлять такую забывчивость и равнодушие, чтобы ни разу не упомянуть о человеке, в чьем обществе провели день, пока не поняла: им-то он предложения не делал.

После чая мистер Хейл встал возле камина и, время от времени тяжело вздыхая, о чем-то глубоко задумался. Миссис Хейл вышла, чтобы обсудить с Диксон сбор зимней одежды для бедных. Маргарет готовилась к обычной нестерпимой скуке наполненного жалобами матери бесконечного вечера и мечтала поскорее подняться к себе, чтобы вновь предаться размышлениям.

– Маргарет! – неожиданно произнес мистер Хейл с таким откровенным отчаянием, что дочь вздрогнула. – Эта вышивка очень важна? Иными словами, ты можешь ее отложить и зайти ко мне в кабинет? Хочу обсудить кое-что крайне значительное для всех нас.

«Крайне значительное для всех нас». Получив отказ, мистер Леннокс никак не мог улучшить минуту и поговорить с отцом наедине. Иначе дело действительно обстояло бы крайне серьезно. Во-первых, Маргарет стыдилась того обстоятельства, что до такой степени повзрос-

лела и превратилась в женщину, что нашелся человек, пожелавший на ней жениться, а во-вторых, не знала, как отец отнесется к ее отказу принять предложение мистера Леннокса.

Вскоре стало ясно, что волновалась она зря: мистер Хейл намеревался обсудить вовсе не недавнее неожиданное событие, а что-то другое. Усадив дочь рядом, он поворошил угли в камине, задул свечи, несколько раз глубоко вздохнул и только после этого собрался с духом и, запинаясь, с трудом проговорил:

– Маргарет, я решил оставить Хелстон.

– Оставить Хелстон? Но почему, папа?

Мистер Хейл молчал рассеянно перекладывая с места на место бумаги на столе, несколько раз открывал рот, но, будто не осмеливался заговорить, снова закрывал. Маргарет, мучительно наблюдая за страданиями отца, переживала.

– Папа, милый! Почему? Ответь!

Внезапно в нем произошла разительная перемена: он прямо взглянул на дочь и медленно, с неестественным спокойствием произнес:

– Потому что я не могу больше служить священником англиканской церкви.

Маргарет не ожидала такого ответа, полагая, что вечное недовольство и бесконечные стенания матери в конце концов убедили отца покинуть любимый Хелстон и переехать в одно из величественных молчаливых пространств, которые время от времени доводилось видеть в городах вокруг соборов. Конечно, выглядели они солидно и торжественно, но если ради них требовалось покинуть Хелстон, то ничего, кроме печали и душевной боли, не вызывали. И все же самый ощутимый удар нанесли последние слова отца. Что он имел в виду и что пытался скрыть? Лицо его, искаженное страданием, едва ли не умоляло о сочувствии и пощаде, доставляя Маргарет нестерпимую боль. Что, если отец оказался каким-то образом замешан в истории с Фредериком? Брат нарушил закон. Неужели из-за естественной любви к нему отец потворствовал каким-то...

– Так в чем все же дело? Скажи, наконец, папа, почему ты не можешь продолжать служение? Если бы епископ услышал все, что нам известно о Фредерике и несправедливом, жестоким...

– Фредерик здесь ни при чем. Эта история епископа не интересует. Дело во мне. Я все тебе объясню, Маргарет, отвечу на любые вопросы, но обещаю, что больше никогда не заговоришь на эту тему. Я готов принять последствия своих мучительных, отчаянных сомнений, однако обсуждать причину страданий невыносимо.

– Сомнения, папа! Твои сомнения касаются религии? – предположила Маргарет, совершенно потрясенная.

– Нет, религия не вызывает вопросов и не рождает смятения разума.

Он замолчал, и Маргарет судорожно вздохнула, ощутив приближение катастрофы. Но вот он заговорил снова – торопливо, сбивчиво, как будто спешил переступить роковую черту:

– Думаю, напрасно описывать давнюю тревогу, стремление понять, имею ли я право на служение, попытки заглушить затаенные сомнения авторитетом церкви. О, Маргарет! Как я люблю святую церковь, откуда должен быть изгнан!

Не в силах продолжать, отец закрыл лицо руками. Маргарет тоже не знала, что сказать; начало предвещало какую-то страшную тайну вроде решения обратиться в мусульманство.

Со слабой улыбкой отец проговорил:

– Сегодня я прочитал о двух тысячах священниках, оставивших церковь и пытавшихся вернуть себе доброе имя, однако все напрасно. Напрасно! Боль слишком остра.

– Но, папа, достаточно ли глубоко ты обдумал свой шаг – такой ужасный, такой опасный шаг? – воскликнула Маргарет, не в силах сдерживать рыдания.

Главная опора дома: вера в несокрушимую, безусловную непогрешимость любимого отца – внезапно покачнулась и рассыпалась. Что можно сказать? Что предпринять?

Горе дочери заставило мистера Хейла собраться, чтобы найти слова утешения. Он подавил душившие, готовые пролиться слезы, встал и снял с полки книгу, которую часто читал в последнее время и где, как ему казалось, черпал силы, чтобы ступить на избранный путь.

– Это откровение человека, когда-то, подобно мне, служившего сельским викарием. Написано более полутора веков назад неким мистером Олдфилдом, священником прихода Карсингтон в графстве Дербишир. Его муки закончены. Он доблестно сражался.

Две последние фразы мистер Хейл произнес едва слышно, а потом начал читать вслух:

– «Когда невозможно далее продолжать работу, не принося бесчестия Господу и позора Церкви, не разрушая цельность собственной души, не рана совесть, не лишившись покоя, не утратив веру в возможность спасения, – иными словами, когда условия, в которых придется продолжить (если ты готов продолжить) труд, греховны и не угодны Богу, – верь. Да, верь, что Всевышний обратит твое молчание, отстраненность, лишения и потери во славу его и евангельской истины. Если Господь не найдет тебе применения в одном качестве, то обязательно использует в другом. Душа, готовая ему служить и его почитать, никогда не утратит возможности действовать. Ты не должен ограничивать безмерность Всевышнего, считая, что ему ведом лишь единственный способ обратить тебя в инструмент собственного прославления. Он сможет сделать это посредством твоего молчания точно так же, как посредством проповеди; через твое бездействие так же, как через усердную работу. Это не притворная попытка сослужить Господу величайшую службу или исполнить тяжкий долг, способная искупить малейший грех, хотя сам этот грех и позволил тебе исполнить долг. Поверь! Ты не добьешься благодарности, если, представ перед обвинениями в нарушении священной клятвы и измене Богу, ради продолжения службы попытаешься найти оправдание в суровой необходимости».

Читая вслух избранные строки и оставляя для себя многие другие, викарий Хейл стремился обрести уверенность и смелость на трудном пути, который считал единственно верным, но, едва замолчав, услышал приглушенные рыдания и сник, не в силах терпеть отчаяние дочери.

Неловко прижав ее к груди, он проговорил:

– Маргарет, дорогая! Подумай о первых мучениках, подумай о тысячах страстотерпцев!

– Но, папа, все они страдали за правду, – возразила дочь, внезапно подняв пылающее, мокрое от слез лицо, – в то время как ты... Милый, дорогой папа!

– Я страдаю по велению совести, дитя мое, – проговорил мистер Хейл с достоинством, едва заметно дрогнувшим из-за особой чувствительности характера голосом. – Поступаю так, как считаю должным, после многих дней, недель самобичевания, способного пробудить мозг и менее апатичный и трусливый, чем мой.

Покачав головой, он со вздохом продолжил:

– Заветное желание твоей бедной матушки, исполненное хотя бы тем насмешливым, полным иронии способом, каким слишком часто исполняются заветные желания, подобные яблокам Содомы, в конце концов привело к этому кризису, за который я должен испытывать – и, надеюсь, испытываю – благодарность. Еще не прошло и месяца с того дня, когда епископ предложил мне другое место. Приняв лестное назначение, пришлось бы заново декларировать приверженность догмам англиканской церкви. Видит Бог, я пытался справиться: убедить себя скромно отказаться от повышения и тихо остаться здесь, тем самым окончательно задушив собственную совесть. Господи, прости меня, грешного!

Мистер Хейл встал и принялся мерить шагами комнату, бормоча под нос безжалостно унижительные слова, которых дочь, к счастью, почти не слышала. Наконец он остановился и заговорил снова:

– Маргарет, возвращаюсь к печальной теме: нам предстоит покинуть Хелстон.

– Да, понимаю. И как скоро?

– Я написал епископу... кажется, уже говорил об этом, но точно не помню: все забываю, – с отчаянием в голосе сказал отец. – Сообщил о намерении покинуть пост викария. Он проявил невероятную доброту и терпение, пытался увещевать, уговаривать и убеждать, но напрасно... напрасно! Те же аргументы я приводил себе сам, однако безуспешно. Так или иначе, придется уйти в отставку и лично явиться к епископу, чтобы проститься. Испытание предстоит нелегкое, но значительно тяжелее окажется расставание с любимыми прихожанами. Для чтения молитв уже назначен временный викарий – некто мистер Браун, – и завтра он к нам приедет. А в воскресенье у меня последняя, прощальная проповедь.

«Необходима ли такая поспешность?» – спросила себя Маргарет и тут же ответила, что промедление лишь обострит боль. Лучше уж получить один удар, сразу услышав о необходимости безотлагательных приготовлений.

– Что говорит мама?

К ее удивлению, прежде чем ответить, отец опять принялся ходить по комнате. Наконец остановился и заговорил:

– Видишь ли, я и в самом деле жалкий трус: не нахожу сил причинить боль. Мне понятно, что замужество не оправдало чаяний твоей матери и не принесло ей того, на что она имела право рассчитывать, поэтому не знаю, как нанести этот жестокий удар. Однако сообщить придется, причем немедленно.

Мистер Хейл в надежде взглянул на дочь, в то время как та не могла поверить, что матушка до сих пор пребывает в полном неведении.

– Действительно придется, – задумчиво проговорила наконец Маргарет. – Может, она даже... нет! Конечно, известие поразит ее!

Словно ощутив на себе силу ожидавшего матушку удара, она с трудом вымолвила:

– Куда же мы поедем?

– В Милтон-Нотерн, – обреченно обронил мистер Хейл с унылым безразличием, понимая, что, хоть дочерняя любовь и побуждала Маргарет утешать и поддерживать, душевная боль от этого становилась еще острее.

– Милтон-Нотерн! Промышленный город в Даркшире?

– Да, – подтвердил отец с тем же мрачным безразличием.

– Но почему именно туда, папа?

– Потому что там я смогу заработать для своей семьи кусок хлеба, потому что там я никого не знаю! В Милтон-Нотерне никто не слышал о Хелстоне и никогда о нем не заговорит.

– Кусок хлеба для семьи! Мне казалось, что у вас с мамой...

Заметив, как страдальчески поморщился отец, Маргарет умолкла, подавив естественный интерес, но мистер Хейл увидел с присущей ему интуицией на лице дочери отражение собственной ледяной обреченности и приложил усилие, чтобы ее развеять:

– Ты должна узнать все. Только помоги сказать маме. Кажется, я готов сделать что угодно, только не это: мысль о ее потрясении приводит в ужас. Если я ничего от тебя не утаю, то, возможно, завтра ты попробуешь с ней поговорить. Я уйду на весь день, чтобы проститься с фермером Добсоном и бедняками из Брейси-Коммон. Выручишь, или тебе будет очень тяжело и неприятно?

Маргарет чувствовала, что еще ни разу в жизни не стояла перед проблемой более сложной и мучительной, однако не находила сил это признать. Отец понял сам.

– Миссия ужасна, правда?

Она поборолла минутную слабость и с ясным, открытым лицом ответила:

– Да, миссия тягостная, однако выполнить ее необходимо. Постараюсь справиться как можно лучше. У тебя много других дел, не менее болезненных.

Мистер Хейл горестно покачал головой и благодарно пожал дочери руку. Чувствуя, что того и гляди снова заплачет, Маргарет попыталась отвлечься:

– Так расскажи о наших планах, папа. Вы с мамой располагаете некоторой суммой, независимой от твоего жалованья. Так? Во всяком случае у тетушки Шоу такие деньги есть.

– Да. Кажется, наш постоянный доход составляет примерно сто семьдесят фунтов в год, из которых семьдесят неизменно отчисляются Фредерику, так как он живет за границей. Не знаю, правда, насколько он нуждается в этих деньгах, находясь на довольствии в испанской армии.

– Фредерик не должен испытывать нужду, – решительно заявила Маргарет, – тем более в чужой стране, несправедливо изгнанный с родины. Значит, остается сто фунтов. Разве мы втроем не проживем на эту сумму в каком-нибудь тихом, укромном, очень дешевом уголке Англии? По-моему, вполне проживем.

– Нет! – решительно отрезал мистер Хейл. – Это не выход. Я обязан что-то предпринять: найти себе занятие, чтобы отогнать дурные мысли. К тому же в сельской местности все будет мучительно напоминать о Хелстоне и службе. Я не вынесу страданий. Не забывай, что после необходимых расходов на обустройство от ста фунтов останется очень мало, а мама привыкла к относительному комфорту. Нет, надо ехать в Милтон. Иного пути нет.

Словно извиняясь за то, что успел многое обдумать, никому не сообщив о судьбоносном намерении, отец добавил:

– В одиночестве я способен принимать более разумные решения, чем под влиянием близких. Не выношу возражений: они окончательно сбивают с толку.

Маргарет решила не спорить: в конце концов, разве так уж важно, куда они поедут, особенно по сравнению с главным, ужасным ударом?

Мистер Хейл тем временем продолжил:

– Несколько месяцев назад, когда сомнения стали невыносимыми и возникла острая потребность с кем-нибудь поделиться, я написал мистеру Беллу. Ты помнишь мистера Белла?

– Нет, ни разу его не видела, но кто это такой, знаю: крестный отец Фредерика и твой наставник в Оксфорде. Верно?

– Да. Сейчас он член ученого совета колледжа в Плимуте, но, насколько мне известно, родился в Милтон-Нотерне. Во всяком случае, имеет там недвижимость, которая после бурного развития города значительно возросла в цене. Впрочем, полагаю, об этом я упомянул напрасно, хотя в искреннем расположении мистера Белла сомневаться не приходится. Нельзя сказать, что он придал мне силы, поскольку сам живет слишком легко, однако проявил сочувственное внимание. Именно благодаря ему мы и направляемся в Милтон.

– Почему?

– В этом городе мистеру Беллу принадлежат земли, дома и фабрики. Следовательно, несмотря на понятную неприязнь к слишком шумному месту, ему приходится поддерживать постоянную тесную связь с жителями. Так вот, по словам мистера Белла, там сложились благоприятные условия для частного преподавания.

– Частное преподавание! – с презрением повторила Маргарет. – Разве промышленникам есть дело до классической литературы или достоинств истинного джентльмена?

– О, некоторые из них отличные ребята, способные трезво оценить свои недостатки. Поверь, даже в Оксфорде такие встречаются не на каждом углу. Некоторые, несмотря на солидный возраст, стремятся восполнить пробелы в образовании. Другие хотят достойно учить детей. Во всяком случае, как я уже сказал, в Милтоне можно найти место частного наставника. Мистер Белл уже порекомендовал меня своему арендатору, мистеру Торнтону, – судя по письмам, весьма умному человеку. В Милтоне я смогу найти если не счастливую, то наполненную жизнь среди людей и пейзажей, даже отдаленно не напоминающих Хелстон.

Маргарет чувствовала, что тайный, решающий стимул заключался именно в этом обстоятельстве: все будет иным. При всем известном безобразии, внушающем едва ли не отвращение к северу Англии, к стремительно разбогатевшим промышленникам, к населению, к дикой уны-

лой местности, Милтон-Нотерн обладал одним несокрушимым преимуществом: разительно отличался от Хелстона и ничем не мог напомнить родную деревню.

– Когда поедет? – уточнила Маргарет после короткого молчания.

– Пока не решил. Хотел сначала поговорить с тобой, поставить в известность маму. Думаю, через пару недель. Как только поступит акт об отставке, придется немедленно отправляться в путь: задерживаться нельзя.

Маргарет не смогла скрыть изумления.

– Через две недели:

– Это ориентировочно – точно еще ничего не известно, – поспешил успокоить отец, заметив внезапную бледность дочери и печаль в глазах, однако Маргарет сумела справиться с чувствами.

– Да, папа, лучше решить все и сразу. Ты прав. Вот только мамино неведение создает серьезное препятствие.

– Бедная Мария! – грустно вздохнул мистер Хейл. – Бедная, бедная Мария! О если бы только я не был женат, а принадлежал лишь самому себе! Как бы легко складывалась жизнь! А так... Маргарет, я не в силах ей сказать!

– И не надо, сама скажу. Завтра выберу подходящее время. – Она помолчала, потом вдруг со страстной мольбой воскликнула: – Скажи! Скажи, что это лишь кошмар, страшный сон, а не правда жизни! Ты не можешь всерьез стремиться оставить церковь, покинуть Хелстон, отгородиться от мамы и меня стеной заблуждения и искушения! Это невероятно!

Мистер Хейл выслушал дочь в упрямом молчании, а потом посмотрел в глаза и хриплым голосом произнес медленно, внятно:

– И все же так оно и есть. Не пытайся найти облегчение в недоверии к правдивости моих слов. Решение твердо и непреклонно.

Умолкнув, он еще несколько мгновений смотрел на нее: так же прямо и требовательно. Маргарет продолжала умолять его взглядом до тех пор, пока не поняла, что изменить ничего не сможет, а поняв, встала и без единого слова направилась к двери. Уже взявшись за ручку, услышала за спиной голос, обернулась и увидела, что отец стоит возле камина, безвольно ссутулившись. Маргарет тут же бросилась к нему, однако стоило ей подойти, он выпрямился во весь рост, возложил ладони на голову дочери и торжественно произнес:

– Да благословит тебя Господь, дитя мое!

– Да вернет он тебя в лоно своей церкви, – ответила Маргарет в душевном порыве, однако тут же испугалась, что назидание из уст дочери способно оскорбить, а потому крепко обняла отца.

Он прижал ее к груди и на несколько мгновений замер, а потом Маргарет услышала шепот:

– Мученики и исповедники претерпели несравнимо более тяжкие страдания. Я не отступлю.

К реальности вернул их обращенный к дочери голос миссис Хейл. Оба ясно представляли, что ждет впереди.

– Иди, милая, иди, – торопливо подтолкнул Маргарет отец. – Завтра, когда меня не будет дома, ты должна ей сказать.

– Да, – ответила Маргарет и нетвердой походкой направилась в гостиную.

Глава 5. Решение

*Прошу, задумайся в любви,
Чтоб в страсти не сгореть.
Улыбкой светлой радость встретить,
На грустный вздох слезой ответить.
А если сердце в бой метнется,
Не дай мне умереть.*

Неизвестный автор

Маргарет покорно слушала рассуждения матушки о желании хотя бы немного облегчить жизнь самых бедных прихожан. Не слушать она не могла, хотя каждое новое намерение вонзалось в сердце словно кинжал. Морозы придут в Хелстон уже без них. Старый Саймон будет по-прежнему страдать от ревматизма, и зрение его не станет лучше, однако уже никто не навестит беднягу, чтобы поговорить, напоить горячим бульоном и укутать потеплее. А если и навестит, то какой-нибудь чужак, а старик будет напрасно ждать ее. Маленький больной сын Мэри Домвилл подползет к двери, чтобы посмотреть, как она выходит из леса, но так и не увидит. Эти люди никогда не поймут, почему она так внезапно их бросила. И другие тоже.

– Папа всегда тратит жалованье здесь, в приходе. Возможно, я посягаю на еще не полученные деньги, но что поделать, если зима ожидается суровая и несчастные старики нуждаются в помощи.

– Ах, мама, давай сделаем все возможное! – горячо воскликнула Маргарет, вовсе не пытаясь взглянуть на дело практично, а думая лишь о том, что они помогают бедным в последний раз. – Возможно, нам уже недолго здесь оставаться.

– Ты плохо себя чувствуешь, дорогая? – встревожилась миссис Хейл, неправильно поняв намек дочери относительно неопределенности их пребывания в Хелстоне. – Выглядишь бледной и усталой. Уверена: виной всему этот мягкий климат – сырой, нездоровый воздух.

– Нет-нет, мама. Дело не в этом. Воздух здесь восхитительный. После пыльной и дымной Харли-стрит особенно остро чувствуешь его свежесть и аромат. Но я действительно устала: должно быть, пора ложиться спать.

– Да, уже скоро. Сейчас половина десятого. Пожалуй, тебе правда лучше лечь пораньше. Попроси Диксон приготовить жидкую овсянку. Я скоро приду пожелать спокойной ночи. Боюсь, ты простудилась, или это дурные испарения застойных прудов...

– О, моя милая, – с улыбкой проговорила Маргарет, целуя матушку на прощание, – не волнуйся понапрасну! Я абсолютно здорова, просто немного устала.

Она поднялась к себе. Чтобы угодить матушке, смиренно приняла у Диксон тарелку жидкой овсяной каши и легла в постель. Вскоре пришла и миссис Хейл поцеловать дочь на ночь. Как только она удалилась и закрылась дверь родительской спальни, Маргарет энергично вскочила, накинула халат и принялась мерить шагами комнату до тех пор, пока скрип половицы не подсказал, что шум могут услышать. Тогда она устроилась на низком широком подоконнике и обхватила руками колени. Еще утром солнце радостно освещало колокольню, обещая чудесный погожий день, а вечером, спустя всего шестнадцать часов, печаль высушила слезы, оставив лишь холодную тупую боль и навсегда лишив сердце молодости, энергии и силы. Приезд и предложение мистера Леннокса сейчас казались сном, далеким от настоящей жизни. Горькая реальность заключалась в том, что любимый отец до такой степени поддавался искушению сомнений, что превратился в еретика, изгоя. Все грядущие тяжкие последствия проистекали из этого разрушительного факта.

Маргарет взглянула на темные очертания церкви: массивный прямоугольник венчался устремленным в небо, четко прорисованным в синей глубине фронтоном. Всматриваясь в бесконечную даль, она поймала себя на мысли, что ждет высшего знамения, но ожидание ее напрасно. В эту минуту земля казалась пустынной, как будто накрытой железным куполом, что навсегда отсекает милость и величие Всевышнего. Неподвижное спокойствие вечной бескрайней вселенной воспринималось куда более злой насмешкой, чем любые материальные оковы. Мольбы и крики земных страдальцев возносились в небо и терялись в пространстве, так и не достигнув его престола. Погрузившись в созерцание и размышление, Маргарет не услышала, как в комнату вошел отец. Увидев в свете луны дочь в необычном месте и в необычной позе, так и оставшись незамеченным, он приблизился к ней и тронул за плечо.

– Маргарет, я услышал твои шаги и поднялся, чтобы попросить помолиться вместе со мной и обратиться к Господу. Нам обоим станет легче.

Отец и дочь опустили на колени возле окна: он – высоко подняв голову; она – низко склонившись в стыдливом смирении. Бог окружал, наполнял своим присутствием скромную спальню, прислушивался к молитвенному шепоту. Возможно, отец еретик, но разве всего пять минут назад сама она, впав в отчаянные сомнения, не проявила безнадежный скептицизм? Маргарет не произнесла ни слова, а как только отец ушел, легла в постель и спряталась под одеялом подобно ребенку, униженно сознающему свою вину. Если мир полон сложных проблем, она готова верить и молиться об одном: о возможности найти и понять единственно необходимый следующий шаг.

Той ночью Маргарет увидела во сне мистера Леннокса – его приезд, предложение. События, так грубо вытесненные из сознания ужасной неожиданностью, вновь напомнили о себе в причудливой, искаженной ночной мглой форме. Маргарет приснилось, что Генри полез на фантастически высокое дерево, чтобы добраться до той ветки, где висела ее шляпа, и упал. Она бросилась, чтобы его спасти, однако невидимая железная рука удержала ее на месте. Мистер Леннокс умер. И все же в следующий момент она, как прежде, беседовала с ним в гостиной дома на Харли-стрит, хотя и сознавала, что собственными глазами видела, как он разбился насмерть.

Мучительная, беспокойная ночь! Дурное преддверие грядущего дня! Маргарет проснулась словно от толчка, ничуть не отдохнув, и сразу вспомнила о реальности, еще более страшной, чем лихорадочный сон. Горе навалилось с новой силой – не просто горе, но ужасный диссонанс в горе. Куда, в какие неведомые дали забрел отец, ведомый сомнениями, внушенными, как ей казалось, черной силой? Отчаянно хотелось спросить, хотя услышать ответ не хватало мужества.

Чудесным свежим утром матушка выглядела на редкость бодрой и довольной жизнью и за завтраком без умолку говорила, планируя благотворительную прогулку и не замечая ни отрешенного молчания мужа, ни односложных ответов дочери. Едва допив чай, мистер Хейл встал и уперся рукой в стол, как будто боялся упасть.

– Пойду в Брейси-Коммон, там и пообедаю, у фермера Добсона. Вернусь домой только к вечеру, часам к семи, к чаю.

Отец не взглянул ни на жену, ни на дочь, однако Маргарет поняла, что он имел в виду: до семи ей предстоит сообщить матушке кошмарную новость. Сам мистер Хейл отложил бы исполнение тяжелой миссии до половины седьмого, а она, видимо, была слеплена из другого теста и не могла весь день носить в душе тяжесть. Лучше начать с утра: ведь уговаривать и утешать матушку придется до позднего вечера, если не дольше. За то время, пока Маргарет смотрела в окно, размышляя, с чего начать, миссис Хейл успела подняться к себе, одеться к выходу и в необычно приподнятом настроении спуститься.

– Мама, давай вместе пройдемся по саду, хотя бы один круг, – предложила Маргарет, настойчиво обнимая мать за талию и увлекая к французскому окну. Миссис Хейл попыталась возразить, но она не слушала.

Взгляд уловил, как пчела с жужжанием опустилась на колокольчик. Маргарет сказала себе: как только она появится со своей добычей, это будет как сигнал к бою. И вот пчела вылетела.

– Мама! Папа собирается покинуть Хелстон! – выпалила Маргарет. – Намерен оставить служение и переехать в Милтон-Нотерн.

Три роковых факта прозвучали.

– С чего ты взяла? – удивленно и недоверчиво спросила миссис Хейл. – Кто сказал тебе эту нелепицу?

– Сам папа, – ответила Маргарет, страстно желая произнести что-нибудь нежное и утешительное, но не находя нужных слов.

Они подошли к скамейке. Миссис Хейл села и, заплакав, пробормотала сквозь слезы:

– Ничего не понимаю. Или ты страшно заблуждаешься, или я не в силах тебя понять.

– Нет, мама, я не заблуждаюсь. Папа написал епископу, что сомнения не позволяют ему добросовестно исполнять обязанности священника англиканской церкви, поэтому считает себя обязанным оставить службу в Хелстоне. Еще он обратился к мистеру Беллу – ты знаешь, это крестный отец Фредерика, – и тот организовал наш переезд в Милтон-Нотерн.

Все это время миссис Хейл внимательно смотрела на дочь и, судя по выражению лица, постепенно начинала верить в реальность происходящего.

– Это странно, – заключила она в конце концов. – Прежде чем решиться на такой шаг, он непременно поговорил бы со мной.

С острым сожалением Маргарет осознала, что мама должна была узнать правду гораздо раньше. Несмотря на ее постоянное недовольство и упреки, отец совершил огромную ошибку, переложив жизненно важный разговор на плечи дочери. Маргарет опустилась на скамью рядом с матерью, склонила ее безвольную голову себе на грудь и прижалась щекой к волосам.

– Милая, любимая мама! Мы так боялись причинить тебе боль. Папа отчаянно переживает: ведь ты не отличаешься силой, а впереди ждут тяжкие испытания.

– Когда он открылся тебе?

– Вчера, только вчера вечером, – поспешно ответила Маргарет, услышав в вопросе ревность, и, чтобы пробудить сочувствие к мучительным сомнениям и переживаниям отца, воскликнула: – Бедный папа!

Миссис Хейл подняла голову:

– Что он имеет в виду под сомнениями? Разумеется, не то, что думает иначе, чем церковь?

Маргарет покачала головой, и в глазах ее блеснули слезы. Матушка задела оголенный нерв разочарования и сожаления.

– Разве епископ не способен вернуть его на путь истины? – воскликнула миссис Хейл с легким раздражением.

– Боюсь, что нет, – вздохнула Маргарет. – Впрочем, я не спрашивала – боялась услышать ответ. В любом случае все уже решено. Через две недели папе предстоит покинуть Хелстон. Точно не помню, но, кажется, он даже сказал, что уже подал прошение об отставке.

– Через две недели! – в ужасе повторила миссис Хейл и за облегчением обратилась к испытанному средству – слезам. – Право, очень странно и крайне неправильно. Больше того, попросту жестоко! Ты говоришь, что из-за мучительных духовных терзаний он решил оставить службу, но при этом даже не посоветовался со мной. Уверена, что, если бы поделился сомнениями в самом начале, мне удалось бы задушить их в зародыше.

Маргарет и сама считала поведение отца неверным, однако не могла вынести обвинений со стороны матери: скрытность его основывалась на нежности и жалости и могла бы показаться трусливой, но никак не жестокой.

– А я-то надеялась, что ты, мама, с радостью покинешь Хелстон, – проговорила дочь, немного помолчав. – Здешний воздух ведь так плохо на тебя влияет.

– Неужели смог промышленного Милтон-Нотерна – где сплошь трубы и копоть – окажется лучше этого чистого, ароматного, пусть даже слишком мягкого и расслабляющего, воздуха? Только представь жизнь среди фабрик и пролетариев! Хотя, конечно, если твой отец отречется от церкви, нас больше не примут в приличном обществе. Позор! Унижение! Бедный дорогой сэр Джон! Как хорошо, что он не дожил до этого ужасного времени! Когда мы с тетусшкой Шоу в детстве жили в Бересфор-Корте, каждый день после обеда сэр Джон произносил один и тот же тост: «Церковь и король! Долой охвостье!»

Маргарет обрадовалась, что воспоминания увели матушку от мыслей о молчании отца относительно столь важной и близкой сердцу темы. После глубоких опасений по поводу природы отступничества это обстоятельство беспокоило ее больше всего.

– Ты же знаешь, мама, как узок здесь круг общения. Ближайшие наши соседи, Горманы (кстати, мы очень редко с ними встречаемся), точно так же погружены в коммерцию, как жители Милтон-Нотерна.

– Да, – едва ли с негодованием заявила миссис Хейл. – Вот только Горманы делали кареты для половины дворян нашего графства и хоть как-то с ними общались. А фабричные? Подумать только! Кто станет носить хлопок, если может позволить себе льняное полотно?

– О владельцах хлопкопрядильных фабрик я не говорю – общаться с ними нам вряд ли придется.

– Но почему, скажи на милость, твой отец решил отправиться именно в Милтон-Нотерн?

– Отчасти потому, что этот город ничем не напоминает Хелстон, – с грустным вздохом ответила Маргарет, – а отчасти по рекомендации мистера Белла. Тот предложил папе место преподавателя.

– В Милтоне? А почему бы не поехать в Оксфорд, чтобы заниматься с джентльменами?

– Не забывай, мама, что папа оставляет церковь в силу своих взглядов. В Оксфорде сомнения пользы не принесут.

Некоторое время миссис Хейл молча поплакала, а потом наконец сквозь слезы вымолвила:

– А мебель! Как мы перевезем все вещи? Я ни разу в жизни не переезжала, а впереди всего лишь две недели!

С невыразимым облегчением Маргарет обнаружила, что горе и смятение матери перешли на практический уровень. Сама она не считала его значимым, однако старалась оказать действенную помощь: планировала, советовала и вдохновляла маму сделать как можно больше, прежде чем планы отца обретут определенность. Весь день она не отходила от матери ни на шаг, всей душой сочувствуя каждому новому повороту настроения, но с особым напряжением ждала наступления вечера, с каждым часом все острее сознавая, что после долгого утомительного дня отец должен вернуться в любящую, понимающую семью. Грустно было думать о том, какие страдания он долгое время терпел втайне от жены и дочери, но матушка ограничилась холодным замечанием в том смысле, что если бы поделился с ней, то мог бы рассчитывать на поддержку и помощь.

В коридоре послышались шаги отца, и у Маргарет затряслись поджилки. Выйти навстречу и поделиться, как все прошло, она побоялась: матушка могла впасть в состояние ревнивого раздражения – хотя и слышала, как отец помедлил, словно дожидаясь ее появления или какого-нибудь знака.

По сжатым губам и изменившемуся выражению лица матушки стало ясно, что и она слышала шаги мужа. Вскоре он открыл дверь гостиной и остановился на пороге, опасаясь войти, – бледный, осунувшийся, с испуганным взглядом, особенно жалким на лице мужчины. Но странное дело: именно выражение отчаянной неуверенности, умственной и телесной вялости тронуло сердце жены. Миссис Хейл порывисто поднялась и со слезами бросилась мужу на грудь.

– О, Ричард, Ричард! Надо было открыться мне раньше!

Позволив себе наконец оставить матушку, Маргарет бросилась наверх, упала на кровать и спрятала лицо в подушку, чтобы подавить истеричные рыдания, так долго копившиеся и теперь вот вырвавшиеся на волю. Она не знала, долго ли так пролежала. Не слышала, как горничная вошла, чтобы навести порядок в комнате, но тут же, испуганная, на цыпочках выскользнула и поделилась с миссис Диксон, что мисс Хейл плачет так, как будто сердце ее разбилось. Если не прекратит сейчас же, то непременно доведет себя до смертельной болезни. В результате Маргарет ощутила осторожное прикосновение, вздрогнула и, порывисто сев, увидела знакомую комнату и темную фигуру Диксон: та держала свечу за спиной, чтобы не потревожить распухшие от слез глаза барышни.

– О, Диксон! Я не слышала, как ты вошла! – воскликнула Маргарет, пытаясь вернуть хотя бы толику самообладания. – Уже очень поздно?

Сделав вид, что хочет встать, она спустила ноги на пол, убрала с лица мокрые спутанные волосы и попыталась показать, что ничего не случилось, что просто спала.

– Не могу сказать, который час, – горестно вздохнула Диксон. – Когда я помогала мадам переодеться к чаю, она сообщила ужасную новость, и с тех пор я потеряла счет времени. Не знаю, что теперь станет со всеми нами. Шарлотта сказала, что вы рыдаете, и я подумала: «Бедняжка! Стоит ли удивляться?» Господин решил примкнуть к диссентерам! В его-то возрасте, когда дела в церкви шли пусть и не блестяще, но вовсе не дурно! У меня был родственник, который всю жизнь работал портным, а после пятидесяти вдруг решил стать методистским проповедником. И то сказать, он толком пару штанов не умел сшить, так что удивляться не приходится. Но мой господин! Я спросила миссис: «Что бы сказал бедный сэра Джон? Он никогда не одобрял вашего замужества, но если бы мог предположить такой конец, то ругался бы еще страшнее, если это вообще возможно!»

Диксон настолько привыкла комментировать действия мистера Хейла в присутствии госпожи (которая слушала или не слушала, в зависимости от настроения), что не заметила, как гневно вспыхнули глаза Маргарет и затрепетали ресницы. Выслушивать дерзкие рассуждения об отце, да еще от прислуги? Это уж слишком!

– Диксон, – заговорила она тихо, как всегда говорила, когда сердилась, и в голосе послышались приглушенные раскаты надвигающейся грозы. – Ты, верно, забыла, с кем разговариваешь!

Маргарет поднялась с кровати и взглянула на горничную с подчеркнутым презрением.

– Иди! Ты совершила большую оплошность. Уверена, что, по здравом размышлении, пожалеешь о своем поведении.

Диксон медлила в нерешительности, и Маргарет настойчиво повторила:

– Оставь меня, Диксон. Хочу, чтобы ты ушла.

Горничная не знала, то ли возмутиться, то ли заплакать: сейчас сгодилось бы и то и другое, – и подумала: «Мисс Маргарет так похожа на старого сэра Джона и бедного мастера Фредерика. Странно, откуда это?» Диксон раньше ни за что не стерпела бы отповеди из уст кого бы то ни было, а сейчас смиренно ограничилась вопросом:

– Можно хотя бы расстегнуть вам платье, мисс, и расчесать волосы?

– Нет! Спасибо, не сегодня.

Маргарет сурово выпроводила служанку из комнаты и заперла дверь. С этих пор бесцеремонная Диксон прониклась к мисс глубоким почтением, утверждая, что молодая госпожа

очень похожа на бедного мастера Фредерика, а на самом же деле, подобно многим, с готовностью подчинялась проявлению сильной воли.

Маргарет нуждалась в помощи Диксон на деле, а не на словах; та же, в свою очередь, считала торжественным долгом продемонстрировать обиду посредством молчания. Таким образом, энергия направлялась в правильное русло. Две недели оказались чрезвычайно коротким сроком для подготовки к столь серьезному переезду. Слегка забывшись, Диксон начала было: «Любой другой джентльмен...» – но, взглянув в замкнутое, строгое лицо молодой госпожи, закашлялась и покорно приняла из рук Маргарет несколько капель настойки белокудренника, дабы остановить «легкое покалывание в груди, на которое жаловалась. Однако действительно любой другой джентльмен, кроме мистера Хейла, давно понял бы, что в столь короткий срок крайне затруднительно найти подходящий дом в Милтон-Нотерне или в любом другом городе, чтобы по необходимости перевезти мебель из Хелстона.

Ошеломленная внезапно обрушившимся грузом бесконечных решений, забот и хлопот, миссис Хейл не на шутку заболела, и Маргарет едва ли не с облегчением уложила матушку в постель и возложила все хозяйственные обязанности на себя. Диксон, верная призванию телохранительницы, посвятила себя преданному уходу за госпожой, лишь иногда появляясь из спальни, чтобы покачать головой и пробормотать несколько слов, которые Маргарет старалась не слушать. Впереди непреклонно маячила одна-единственная цель: вынужденный отъезд из родного дома. Уже получил назначение преемник мистера Хейла. В любом случае после принятого отцом решения медлить было нельзя – как ради него самого, так и по иным соображениям. По вечерам, после прощания с очередной группой прихожан и с каждым из них в отдельности, он возвращался домой все более и более расстроенным. Несмотря на неопытность в практических делах, Маргарет знала, к кому обратиться за советом. Повариха и Шарлотта с утра до вечера безропотно и самозабвенно собирали и паковали вещи. Каким-то чудесным образом редкая рассудительность Маргарет неизменно позволяла найти лучшее решение проблемы и лучший способ действия. Через неделю предстоит освободить дом. Но куда же ехать? Прямоком в Милтон или для начала еще куда-нибудь? От ответа на этот вопрос зависело такое количество дальнейших действий, что однажды вечером, несмотря на усталость и дурное настроение отца, Маргарет все-таки решила его потревожить и в ответ услышала:

– Моя дорогая! Право, у меня слишком много забот, чтобы думать еще и об этом. Что говорит мама? Чего она хочет? Бедная Мария!

Тяжкий вздох отозвался еще более тяжким и громким вздохом: за очередной чашкой чая для миссис Хейл в комнату вошла Диксон и, услышав последние слова хозяина – в надежде на его защиту от укоризненного взгляда мисс, – осмелилась повторить:

– Моя бедная госпожа!

– Ты ведь не хочешь сказать, что ей сегодня хуже? – заметил мистер Хейл, поспешно обернувшись.

– Честное слово, не знаю, сэр. Не мне судить. Похоже, болезнь поразила не столько тело, сколько сознание.

Мистер Хейл безмерно расстроился.

– Ты бы отнесла маме чай, пока не остыл, Диксон, – посоветовала Маргарет спокойным, но властным тоном.

– О, прошу прощения, мисс! Постоянно думаю о своей бедной... о миссис Хейл.

– Папа! – заговорила Маргарет, едва служанка вышла. – Неопределенность вредит вам обоим. Разумеется, мама глубоко переживает перемену в твоих мыслях: с этим ничего не поделаешь, но сейчас обстоятельства прояснились, по крайней мере до некоторой степени. Думаю, что, если бы ты сказал, что именно можно планировать, мне удалось бы вовлечь ее в обсуждение. Она ни разу не высказывала никаких пожеланий, и вообще думает только о том, о чем нельзя не думать. Скажи, мы сразу поедem в Милтон? Ты уже снял там дом?

– Нет, – ответил мистер Хейл. – Наверное, придется сначала поселиться в меблированных комнатах, чтобы подыскать подходящий вариант.

– Значит, надо паковать вещи так, чтобы можно было на неопределенное время оставить их на железнодорожной станции?

– Возможно. Поступай как считаешь нужным, только не забывай, что денег будет значительно меньше, чем мы рассчитывали.

Насколько Маргарет знала, денег всегда было не много. Чувствовала она себя так, словно на плечи внезапно свалился тяжкий груз. Еще четыре месяца назад приходилось решать проблемы совсем иного свойства: какое платье надеть к обеду, кто из приглашенных джентльменов поведет к столу ту или другую леди. Да и вообще до сих пор серьезных решений принимать не приходилось. Если не считать из ряда вон выходящего случая с предложением капитана Леннокса и последующей свадьбой, жизнь на Харли-стрит текла с размеренностью часовых стрелок. Раз в год тетушка Шоу и Эдит затевали долгий спор, куда отправиться на отдых: на остров Уайт, за границу или в Шотландию, но в такие моменты сама Маргарет оказывалась надежно защищенной от необходимости выбора, поскольку ее ждала тихая гавань родного дома. Сейчас же, начиная с неожиданного приезда мистера Леннокса и его – еще более неожиданного – признания, каждый день заставлял решать все новые и новые насущные вопросы.

После чая отец ушел в комнату жены, и Маргарет, немного посидев в глубокой задумчивости, вдруг встала, взяла свечу и направилась в кабинет за большим атласом. Вернувшись в гостиную, она открыла карту Англии и принялась изучать. Когда мистер Хейл вернулся, его встретил ясный взгляд и вполне реальное предложение:

– Есть замечательный план. Вот смотри: в графстве Даркшир, на расстоянии моего пальца от Милтона, есть местечко под названием «Хартон», о котором жители севера отзываются как о чудесном курортном уголке. Почему бы не устроить там маму и Диксон, а самим поехать в Милтон подыскать и подготовить подходящий дом? Морской воздух укрепит ее перед наступлением зимы, она отдохнет, а Диксон будет счастлива за ней ухаживать.

– Неужели Диксон поедет с нами? – спросил отец тоном безнадежного отчаяния.

– Конечно! – убежденно ответила Маргарет. – У нее нет другого выхода, а мама без нее не обойдется.

– Боюсь, нам придется довольствоваться совсем иной жизнью. В городе все намного дороже, чем в деревне. Сомневаюсь, что Диксон город придется по нраву. Признаться, дочка, порой мне кажется, что эта женщина слишком много о себе воображает.

– Так и есть, папа, – подтвердила Маргарет. – И если ей придется смириться со скромным существованием, то нам, в свою очередь, придется не обращать внимания на не в меру раздутое самомнение. Уверена, она не захочет с нами расставаться, особенно в нынешних обстоятельствах, потому что искренне всех нас любит. А еще Диксон бесконечно предана маме и ради ее благополучия должна ехать.

– Что ж, милая, поступай как знаешь. Полагаюсь на твою рассудительность. Сколько миль от Хартона до Милтона? Ширина пальца не дает четкого представления о расстоянии.

– Полагаю, около тридцати миль. Это совсем близко!

– Дело не в близости, а... впрочем, неважно! Если ты действительно считаешь, что маме там будет лучше, значит, решено.

Это был важный шаг. Теперь Маргарет могла действовать, думать и строить конкретные планы, а миссис Хейл, стряхнув слабость и вялость, – забыть о насущных страданиях и погрузиться в мечты о поездке к морю. Сожалела она лишь об одном: мистер Хейл не сможет провести с ней все две недели в Хартоне, как когда-то, во время помолвки, было в Торки, где она отдыхала вместе с сэром Джоном и леди Бересфорд.

Глава 6. Прощание

*Пустынный сад молчит печально,
Роняя нежные цветы.
Грустят поникшие кусты,
Пылает клен костром прощальным.*

*Напрасно робкий солнца луч
Утешить праздный плод мечтает;
Подсолнух головой качает
В предчувствии холодных туч.*

*Зима сотрет воспоминанья,
А свежий ветер – друг весны –
Счастливые навеет сны,
Забыть заставив о прощанье.*

*За годом год уходит вдаль,
Но пахарь снова смотрит в поле.
Забвение – свобода воли,
А прошлого совсем не жаль.*

Теннисон А.

Наступил последний день. Дом был завален тюками и ящиками, которые предстояло отправить на ближайшую железнодорожную станцию. Даже прелестная лужайка в саду превратилась в неопрятную свалку, поскольку туда то и дело выбрасывали куски упаковки. В комнатах поселилось странное эхо, а сквозь голые, лишенные штор окна лился жесткий, агрессивный, непривычно яркий свет. Гардеробную миссис Хейл постарались не трогать до последней минуты. Там они с Диксон складывали одежду, то и дело удивленно восклицая при виде очередной забытой драгоценности: детского костюмчика или башмачков. Работа продвигалась крайне медленно. Внизу стояла Маргарет – спокойная, собранная, готовая в любую минуту дать совет или распоряжение людям, нанятым в помощь Шарлотте и поварихе. Добрые женщины, то и дело утирая слезы, рассуждали между собой, как молодой леди удастся так невозмутимо держаться в последний день. Сошлись на том, что, прожив так долго в Лондоне, она просто не любит Хелстон. Стоит неподвижно, очень бледная и тихая, глядя вокруг своими большими печальными глазами и замечая каждую подробность, чтобы в нужную минуту вникнуть в любое, даже самое мелкое обстоятельство.

Ни одна из служанок не могла понять, как болело сердце Маргарет от тяжелого груза, который не смогли бы облегчить никакие вздохи, а постоянное напряжение всех сил и возможностей оставалось единственным способом удержаться от слез. Если она уступит отчаянию, кто возьмет на себя хлопоты? Отец проводил время в ризнице, с помощью церковного писаря проверяя приходские документы, регистрационные журналы и прочие бумаги, а когда возвращался домой, начинал складывать книги, которые никому не мог доверить. К тому же разве могла Маргарет позволить себе слабость на глазах у посторонних людей и даже преданных слуг – таких как повариха и Шарлотта? Нет, только не она.

Но вот наконец четверо рабочих ушли на кухню, чтобы подкрепиться, и Маргарет медленно, обреченно покинула наблюдательный пункт, где провела так много времени, и через пустую, гулкую гостиную вышла в сумерки раннего ноябрьского вечера. Мягкий серый туман

окутывал, но не прятал кусты и деревья, окрашивая их в сиреневый цвет, так как солнце еще окончательно не скрылось за горизонтом. Пела малиновка – должно быть, та самая, которую отец часто называл своей любимицей. У окна кабинета он собственными руками построил для птички домик. Листья украшали сад причудливее, чем обычно. Первый морозец уложил их на землю, и все-таки некоторые – удержавшиеся на дереве – медленно кружились в косых лучах солнца, сияя янтарными и золотыми гранями.

Маргарет прошла по дорожке вдоль южной стены, где росла груша. В последний раз они гуляли здесь с мистером Ленноксом, и возле грядки чабреца он заговорил о том, о чем сейчас нельзя думать. Пытаясь найти ответ, она смотрела вот на эту запоздало расцветшую розу, а в середине его последней фразы вдруг заметила ажурную красоту морковной ботвы. Прошло всего две недели, а все изменилось! Где он сейчас? Должно быть, ведет привычную жизнь в Лондоне, обедает на Харли-стрит или где-нибудь еще, в веселой молодой компании. Даже в этот момент, когда она в сумерках бредет по сырому печальному саду, где все отцветает и опадает, он, должно быть, с радостью откладывает в сторону своды законов. Пора закончить трудовую день, чтобы освежиться быстрой ходьбой в парке Темпла, среди невнятного, но мощного гула множества голосов близких, хотя и незаметных глазу деловых людей, и увидеть отраженный в реке свет городских фонарей. Мистер Леннокс часто рассказывал об этих торопливых прогулках, втиснутых в короткий промежуток между занятиями и обедом: вспоминал о них в самые приятные минуты и в лучшем расположении духа, – поэтому картина прочно запечатлелась в воображении.

А здесь стояла полная тишина. Малиновка улетела в таинственный ночной простор. Время от времени слышался далекий стук открывшейся и тут же закрывшейся двери: должно быть, это возвращались домой усталые крестьяне, – но звуки эти доносились из другого мира, а вот приглушенный шелест и скрип опавших листьев в лесу, за садом, послышался совсем близко. Маргарет знала, что так пробирается браконьер. Сидя осенью в спальне с погашенной свечой и с замиранием сердца созерцая красоту неба и земли, она не раз замечала, как легко и бесшумно эти люди перепрыгивают через садовую ограду, быстро пересекают освещенную луной, влажную от росы лужайку и скрываются в неподвижной, черной лесной тени. Дикая рискованная свобода их жизни волновала воображение. Маргарет не только не боялась таинственных охотников, но в глубине души желала им успеха, однако сегодня почему-то испугалась. В лесу, неподалеку, громко хрустнула ветка – то ли случайно упавшая, то ли сломанная силой. А еще Маргарет услышала, как, не подозревая, что кто-то из домашних остался в саду, Шарлотта закрывает на ночь ставни. Со всех ног она бросилась к окну и отчаянно забарабанила, напугав горничную:

– Открой! Открой, Шарлотта! Это я!

Сердце перестало трепетать только в гостиной, под защитой закрытых и запертых ставней, в окружении знакомых стен. Маргарет присела на дорожный сундук. Разоренная, безрадостная, холодная комната наводила тоску – ни огня в камине, ни какого-то другого света, если не считать длинной свечи в руках у Шарлотты. Горничная посмотрела с удивлением. Не столько заметив, сколько почувствовав удивленный взгляд горничной, Маргарет поспешно поднялась и слегка улыбнувшись, пояснила:

– Испугалась, что оставишь меня на улице. В кухонную дверь не достучаться, а выход к церкви давно заперт.

– О, мисс, я бы тут же вас хватилась. Надо объяснить рабочим, что делать дальше. К тому же, я накрыла чай в кабинете господина: сейчас это самая удобная комната.

– Спасибо, Шарлотта. Ты добрая девушка. Жаль с тобой расставаться. Если вдруг тебе потребуется совет или просто захочется чем-то поделиться, постарайся мне написать: всегда буду рада получить весточку из Хелстона. Как только узнаю новый адрес, сразу сообщу.

Кабинет действительно оказался готов к чаепитию. В камине пылал огонь, а на столе стояли незажженные свечи. Маргарет села поближе к огню на ковер, чтобы согреться: вечерняя сырость увлажнила платье, а накопившаяся усталость пронзила холодом, – обхватила руками колени и опустила на них голову. Каким бы ни было в эту минуту состояние духа, поза свидетельствовала об унынии и покорности обстоятельствам, но как только послышались шаги отца на посыпанной гравием дорожке, Маргарет вскочила, торопливо поправила густые черные волосы, смахнула несколько случайных слезинок и вышла, чтобы открыть дверь. Мистер Хейл настолько глубоко погрузился в печальные раздумья, что с трудом говорил, хотя ценой невероятных усилий дочь старалась завести беседу на интересующие его темы. Заметив, что отец не притронулся к еде, она спросила:

– Далеко сегодня ходил?

– В Фордем-Бич, навестил вдову Малтби. Она горюет, что не смогла пожелать тебе счастливого пути. Говорит, что маленькая Сюзанна все время смотрит, не идешь ли ты. В чем дело, дорогая?

Мысль о том, что девочка ждала ее, но так и не дождалась – вовсе не из-за пренебрежения с ее стороны, а из-за отсутствия возможности выйти из дому, – оказалась последней каплей, переполнившей горькую чашу, и Маргарет безудержно разрыдалась. Мистер Хейл огорчился еще больше, встал и принялся ходить из угла в угол. Маргарет попыталась успокоиться, однако не решилась заговорить до тех пор, пока дыхание полностью не восстановилось. Отец тем временем бормотал, словно про себя:

– Невыносимо. Невыносимо видеть страдания других. Легче вынести собственные мучения. О, неужели нет обратного пути?

– Нет, папа, – негромко, но внятно проговорила Маргарет, глядя отцу прямо в глаза. – Тяжело сознавать собственную неправоту, но еще тяжелее лицемерие.

Последние слова были произнесены совсем тихо, как будто мысль о лицемерии в отношении отца граничила с непочтительностью. Уже чуть громче Маргарет добавила:

– К тому же я просто очень устала. Не думай, что твое решение причинило мне страдания. Наверное, сегодня мы оба не в состоянии это обсуждать. Пожалуй, отнесу маме чашку чая. Она пила очень рано, когда я не могла к ней подняться, и наверняка будет рада.

Следующим утром железнодорожное расписание неумолимо вырвало их из чудесного, милого сердцу Хелстона. Они уехали, в последний раз взглянув на длинный низкий дом приходского священника, спрятанный за китайскими розами и кустами пиракантуса. Сейчас, когда косые лучи утреннего солнца освещали любимые окна, он выглядел до боли родным. Сев в экипаж, присланный из Саутгемптона и призванный отвезти путников на станцию, они тронулись в путь, чтобы больше не возвращаться. Тоска побудила Маргарет посмотреть в окно на последнем повороте: там, где из-за леса на миг выглядывала старинная церковь, – но поскольку отец тоже знал это место, она молча признала за ним право первенства, откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Предательски подступившие слезы блеснули на длинных густых ресницах, медленно покатались по щекам и беспрепятственно упали на платье.

В Лондоне предстояло остановиться в каком-нибудь скромном тихом отеле. Бедная миссис Хейл почти весь день проплакала, а горе Диксон проявилось в особой сварливости и бесконечных раздраженных попытках отодвинуть свои юбки подальше от ничего не замечавшего мистера Хейла, которого она считала источником всех бед.

Они проехали по знакомым улицам, мимо домов, в которых не раз бывали, мимо магазинов, где Маргарет столько раз скучала, дожидаясь, пока тетушка примет очередное важное решение, и даже увидели нескольких знакомых лиц. Хотя ноябрьский день начался особенно рано и тянулся так долго, что уже давно мог бы раствориться в вечерней темноте, в Лондон путники попали в самое оживленное время. Миссис Хейл давно не была в столице, поэтому, чтобы лучше рассмотреть улицы, витрины и экипажи, даже привстала, как ребенок.

– О, вот «Гаррисонс»: я здесь много чего купила к свадьбе! Господи, как все поменялось! Они вставили огромные зеркальные окна – даже больше, чем в «Кроуфордс» в Саутгемптоне. О, а вот... нет, не он... и все-таки он. Смотри, Маргарет, мы только что проехали мимо мистера Генри Леннокса. Интересно, в какой из магазинов он направляется?

Маргарет быстро наклонилась и тут же отпрянула, мысленно улыбнувшись импульсивному движению. К этому времени они уже проехали не меньше сотни ярдов, однако мистер Леннокс живо напомнил о Хелстоне. Память связала образ с ясным утром, наполненным событиями днем. Было бы приятно увидеть его, оставшись незамеченной, без необходимости поддерживать беседу.

Вечер, проведенный в бездействии в номере многоэтажного отеля, тянулся долго и безрадостно. Мистер Хейл ушел, чтобы заглянуть в книжный магазин и встретиться с парой друзей. Каждый, кого видела Маргарет: будь то в отеле или за окном, на улице, – спешил по делам, торопился на заранее условленную встречу или кого-то ждал, и только она оставалась одинокой и никому не нужной. В то же время не дальше как в миле отсюда, во множестве богатых домов, мисс Хейл приняли бы с искренним радушием ради нее самой, а матушку приветствовали бы в качестве сестры миссис Шоу. Вот только для этого надо было приехать в радости или хотя бы в душевном покое, а явившись в гостиную близких знакомых, но не друзей, в разгар тягостной семейной драмы, да еще в надежде на сочувствие, они вряд ли были бы желанными гостями. Лондонская жизнь слишком суматошна и стремительна, чтобы принять хотя бы час того глубокого сочувственного молчания, в которое погрузились друзья Иова, семь дней и семь ночей сидя рядом с ним на земле и не произнося ни слова, поскольку горе его было слишком велико.

Глава 7. Новые места и лица

*Туман скрывает солнце.
Дымные дома, как карлики,
Обступают нас со всех сторон.*

Арнолд М.

На следующий день, примерно в двадцати милях от Милтон-Нотерна, путники пересели в поезд, отправлявшийся в Хартон. Городок представлял собой одну длинную улицу, беспорядочно тянувшуюся вдоль морского берега, обладал собственным характером и ничем не напоминал небольшие курортные поселки на юге Англии, в свою очередь, непохожие на своих континентальных собратьев. Используя шотландское слово, можно сказать, что все здесь выглядело «практичным». Экипажи отличались большим количеством железа за счет уменьшения доли дерева и кожи в лошадиной упряжи. Люди на улице, несмотря на явное желание отдохнуть, все равно выглядели озабоченными. Цвета склонялись к серой, немаркой гамме вместо яркой и веселой. Рабочих халатов здесь не носили даже сельские жители: эта одежда замедляла движения и нередко попадала в технические устройства, а потому постепенно вышла из употребления. На юге Англии Маргарет замечала, что хозяева магазинов в свободную минуту выходили на улицу, чтобы подышать свежим воздухом и поглазеть на прохожих. Здесь же в отсутствие покупателей продавцы непременно придумывали себе дополнительную работу: например, зачем-то без всякой необходимости разворачивали и сворачивали ленты. Все эти особенности сразу бросились Маргарет в глаза, когда наутро они с матушкой отправились на поиски подходящего жилья.

Две ночи в отелях обошлись дороже, чем предполагал мистер Хейл, и они с радостью сняли первые же чистые жизнерадостные комнаты, готовые их принять. Здесь Маргарет впервые за много дней почувствовала себя удобно и свободно. Где-то неподалеку мерно накатывалось на песчаный берег море. С противоположной стороны улицы доносились голоса разносчиков. Время от времени перед окнами разворачивались необычные сцены, которым уставшая Маргарет не пыталась найти логического объяснения. Пляж манил соленым морским воздухом и мягким, теплым даже в конце ноября песком. Горизонт сводил воедино длинную туманную линию волн и нежно окрашенное небо. Белый парус сиял серебром в случайно пробившемся из-за туч, бледном солнечном луче. Казалось, можно погрузиться в роскошь созерцания и заново вообразить свою жизнь, состоящую только из одного-единственного спокойного, а потому счастливого, дня. Можно не вспоминать о прошлом и не задумываться о будущем.

И все же будущее предстояло встретить, каким бы железным и жестоким оно ни оказалось. Однажды вечером было решено, что на следующее утро Маргарет поедет вместе с отцом в Милтон-Нотерн, чтобы вплотную заняться поисками постоянного жилища. Мистер Хейл получил несколько писем от мистера Белла и два письма от мистера Торнтонна. Ему не терпелось сразу уточнить подробности своей будущей работы и оценить шансы на успех, что можно было сделать исключительно во время личной встречи и беседы с последним из названных джентльменов. Маргарет знала, что переезд неизбежен, однако с отвращением думала о промышленном городе и верила, что воздух Хартонна благоприятно действует на здоровье матушки, а потому была бы рада отложить поездку в Милтон на неопределенный срок.

За несколько миль до города на горизонте повисла тяжелая свинцовая туча. На фоне бледного серо-голубого зимнего неба она выглядела особенно мрачной, тем более что утром в Хартоне ощущались самые ранние, едва заметные признаки мороза. Ближе к городу в воз-

духе появился слабый запах дыма – точнее говоря, Маргарет почувствовала не столько какой-то определенный запах, сколько отсутствие аромата трав и цветов. Экипаж быстро катил по длинным, прямым, безнадежно однообразным улицам, среди маленьких кирпичных домов. Здесь и там над ними возвышались длинные, громоздкие, многооконные здания фабрик. Высокие трубы нещадно дымили, создавая то самое облако, которое Маргарет приняла за странное предвестие несвоевременного дождя. На более широких и респектабельных центральных улицах приходилось то и дело останавливаться: дорогу загоразивали тяжело груженные повозки. Пока ехали вместе с тетушкой по улицам Лондона, им тоже время от времени встречались товарные платформы, но здесь все фургоны, телеги и прочие транспортные средства, в отличие от тех, были заполнены хлопком: или в мешках, в качестве сырья, или в рулонах готовой ткани. На улицах было многолюдно: горожане выглядели бы вполне презентабельно, если бы не контраст между добротной тканью из одежды и небрежностью на грани неопрятности, чем разительно отличались от чистоплотной бедности лондонского рабочего люда.

– «Нью-стрит», – прочитал табличку мистер Хейл. – Судя по всему, это главная улица. Белл не раз о ней упоминал. Случившееся тридцать лет назад преобразование захолустного переулка в оживленный тракт и стало причиной колоссального удорожания его собственности. Фабрика мистера Торнтон должна располагаться где-то неподалеку: он арендует у мистера Белла земельный участок, – и, полагаю, со времени строительства первого склада.

– А где наш отель, папа?

– Кажется, в конце этой улицы. Когда хочешь пообедать: до или после того, как посмотрим выбранные по объявлениям дома?

– Давай сначала займемся делом.

– Что ж, отлично. В таком случае проверю, нет ли почты, и отправимся по адресам. Мистер Торнтон обещал сообщить, если что-то узнает насчет жилья. Пожалуй, извозчика лучше не отпускать: это надежнее, чем заблудиться в чужом городе и опоздать на поезд.

Писем еще не было, и отец с дочерью отправились на поиски. Жилье они могли снять не дороже тридцати фунтов в год. В Гэмпшире за такие деньги можно было рассчитывать на просторный дом с уютным садом, а здесь квартира из необходимых двух гостиных и четырех спален оказалась недостижимой. Двигаясь по списку, они отвергали одно предложение за другим, пока, наконец, не поняли с отчаянием, что за такие деньги здесь ничего не найдут.

– Думаю, надо вернуться ко второму варианту, – предложила Маргарет. – Кажется, пригород называется Крамптон. Там предлагали три гостиных вместо четырех спален. Помнишь, как нас это рассмешило? Но я все обдумала. Первая комната внизу станет твоим кабинетом и одновременно столовой. Маме, как и условились, выделим самую веселую гостиную: из первой комнаты наверху, с нелепыми розово-голубыми обоями и тяжелым карнизом, открывается чудесный вид на долину и изгиб реки или канала – не знаю, что это такое. Я могу взять себе маленькую спальню в самом конце коридора, над кухней, а вашу спальню можно оборудовать в комнате за гостиной, тем более что по соседству с ней есть чулан – в нем можно устроить гардеробную.

– А куда девать Диксон и девушку, которую придется нанять ей в помощь? – растерянно спросил мистер Хейл.

– Ой, дай вспомнить – ведь я уже об этом думала... Ах да, Диксон поселится в дальней гостиной, на первом этаже. Надеюсь, ей понравится. В Хартоне она постоянно ворчит по поводу лестницы, – а девушке придется довольствоваться каморкой на чердаке, над вашей с мамой спальней. Как, по-твоему, сойдет?

– Пожалуй, сойдет. Вот только обои... Что за вкус! Да и вообще дом перегружен цветом и громоздкой лепниной.

– Ничего страшного, папа! Тебе наверняка удастся убедить хозяина сменить обои хотя бы в двух комнатах – в гостиной и вашей спальне, – так как мама будет проводить там много времени, а в столовой значительную часть аляповатых стен скроют твои книжные полки.

– Значит, этот вариант ты считаешь лучшим? В таком случае сейчас же поеду по указанному в объявлении адресу к мистеру Донкину, но прежде отвезу тебя в отель, чтобы ты могла заказать ленч и отдохнуть. Постараюсь вернуться к тому времени, как накроют стол. Может, удастся договориться о новых обоях.

Маргарет тоже на это надеялась, хотя и промолчала. Она никогда не разделяла приверженности к орнаменту, тем более плохому, и отдавала предпочтение спокойным тонам – в ее представлении они служили необходимым условием элегантности. Отец проводил ее в отель, оставил у подножия лестницы и поехал по указанному в газете адресу, чтобы встретиться с хозяином выбранного дома. Едва Маргарет взялась за ручку двери, как к ней поспешно подошел коридорный.

– Прошу прощения, мэм. Джентльмен уехал так поспешно, что я не успел ничего ему сказать. Мистер Торнтон заходил почти сразу после вашего отъезда. Поняв со слов джентльмена, что вы вернетесь через час, я так ему и передал. Мистер Торнтон явился снова, примерно пять минут назад, и решил дождаться мистера Хейла. Сейчас он в вашем номере, мэм.

– Спасибо. Отец скоро вернется, и вы сможете его предупредить.

Маргарет открыла дверь и вошла – уверенно, спокойно, с достоинством. Смущения и неловкости она не испытывала: опыт светских салонов не прошел даром. Некий джентльмен пришел к отцу по делу, а поскольку он проявил любезность, она намеревалась встретить его со всей возможной вежливостью. Мистер Торнтон удивился и растерялся куда больше, чем она. Вместо степенного священника средних лет перед ним предстала ослепительно красивая молодая леди – совсем непохожая на тех молодых леди, которых он привык видеть, – хотя и одетая очень просто: маленькая элегантная соломенная шляпка, украшенная белой лентой; темное шелковое платье без намека на рюши и воланы; большая индийская шаль, стекавшая к полу длинными тяжелыми складками и напоминавшая королевское облачение. Не успев понять, кто это, он встретил открытый, прямой, невозмутимый взгляд: присутствие постороннего не отразилось в точеных чертах лица и не окрасило румянцем чистую нежную кожу. Торнтон слышал, что у мистера Хейла есть дочь, но считал ее маленькой девочкой.

– Мистер Торнтон, полагаю? – проговорила Маргарет после возникшей из-за растерянности посетителя мгновенной паузы. – Прошу, садитесь. Отец довез меня до отеля, но, к сожалению, его не предупредили о вашем визите, поэтому поехал по делам. Однако скоро вернется. Сожалею, что в первый свой визит вы нас не застали.

Мистер Торнтон привык во всем брать инициативу на себя, однако молодая леди сразу проявила собственную волю. Всего лишь за мгновение до ее появления он сердился: в базарный день время дорого, – а сейчас покорно повиновался и опустил на ближайший стул.

– А вы не знаете, куда именно отправился мистер Хейл? Может быть, удастся его найти?

– Отец поехал на Каньют-стрит, к мистеру Донкину – владельцу того дома в Крамптоне, который собирается арендовать.

Мистер Торнтон знал этот дом: прочитал объявление и съездил на место, выполняя просьбу мистера Белла во всем содействовать мистеру Хейлу, а также подчиняясь собственному интересу к священнику, покинувшему службу по столь редкой причине. При осмотре мистер Торнтон решил, что дом заслуживает пристального внимания, однако теперь, увидев Маргарет, устыдился своего решения, что, несмотря на очевидную вульгарность, жилище подойдет для семьи мистера Хейла.

Маргарет не сознавала, какое впечатление производит ее внешность на новых знакомых, но короткая, чуть приподнятая верхняя губа, округлый тяжелый подбородок, манера высоко держать голову, полные мягкого женственного вызова движения неизменно воспринимались

как проявление высокомерия. Сейчас она устала, а потому с радостью воспользовалась бы предоставленной отцом возможностью отдохнуть и помолчать, однако правила приличия предписывали беседу на отвлеченные темы с этим человеком – надо признаться, отнюдь не безупречного внешнего вида после хождения по улицам Милтон-Нотерна. Лучше бы он ушел, как собирался поначалу, а не сидел здесь, отвечая на каждое ее замечание отрывистой репликой. Маргарет сняла шаль, повесила на спинку стула и села лицом к свету, поразив гостя естественной, незамутненной красотой: нежная белая шея, гибкая, хотя и довольно полная, с формами фигуры. Губы во время разговора двигались едва заметно, не нарушая холодной безмятежности лица ни единым изменением прелестной линии. Мягкие, с легкой поволокой глаза смотрели на собеседника с девственной свободой. Еще до окончания беседы Торнтон почти решил, что не испытывает к ней симпатии. Так он пытался компенсировать унижительное чувство: в противоположность его восхищению ею, леди смотрит на него с гордым равнодушием, как на огромного неотесанного мужлана без намека на элегантность, каковым, к сожалению, он и сам себя считал. Спокойную холодность обращения мистер Торнтон считал за высокомерное презрение и воспринял так болезненно, что едва не ушел, чтобы больше никогда не иметь ничего общего с надменными Хейлами.

В тот самый момент, когда Маргарет исчерпала последнюю тему для беседы – хотя обмен редкими короткими фразами трудно было так назвать, – вернулся мистер Хейл и тонкой любезностью, мастерски дозированными извинениями сумел восстановить в глазах мистера Торнтон как собственную репутацию, так и репутацию своей семьи.

Джентльмены увлеченно говорили об общем друге, мистере Белле. Тем временем Маргарет, радуясь, что ее освободили от нелегкой миссии, отошла к окну и взглянула на незнакомую улицу и, видно, до такой степени погрузилась в созерцание, что не расслышала обращенных к ней слов отца, и тому пришлось повторить:

– Маргарет! Хозяин дома в восторге от своих ужасных обоев. Боюсь, нам ничего не остается, кроме как смириться.

– Ах какая жалость! – воскликнула Маргарет и тут же принялась обдумывать возможность скрыть безвкусицу своими акварелями, но вскоре отказалась от идеи, чтобы не испортить комнату окончательно.

Отец с сельским гостеприимством уговаривал гостя остаться к ленчу. Мистер Торнтон хоть и спешил, но если бы мисс Хейл поддержала приглашение отца пусть не словом даже, а взглядом, сразу бы сдался. Впрочем, она этого не сделала, чем одновременно и обрадовала и раздосадовала. Прощаясь, красавица медленно, грациозно поклонилась, отчего гость окончательно смутился и почувствовал себя тем самым неуклюжим мужланом.

– Ну, Маргарет, теперь отправимся на ленч, причем как можно скорее. Надеюсь, ты его заказала?

– Нет, папа. Когда я вошла в комнату, этот человек уже ждал, так что у меня не было возможности.

– В таком случае придется довольствоваться малым. Боюсь, ждать бедняге пришлось долго.

– И мне тоже. Когда ты вошел, я уже едва не умирала. Сам он не произнес ни единой фразы, а на все мои замечания отвечал односложно, словно спешил прекратить разговор.

– Полагаю все же, что всякий раз ответы попадали в цель. Очень толковый малый. Сказал – ты слышала? – что Крамптон расположен на песчаной почве и поэтому считается самым здоровым пригородом Милтона.

Вернувшись в Хартон, отец и дочь подробно рассказали миссис Хейл о событиях и впечатлениях прошедшего дня. За чаем разговор не умолкал ни на минуту.

– Что представляет собой этот твой мистер Торнтон?

– Спроси Маргарет, – ответил супруг. – Им пришлось поддерживать светскую беседу, пока я вел переговоры с хозяином дома.

– О, я почти не заметила, каков он, – безразлично отозвалась Маргарет, слишком усталая, чтобы обдумать и выразить впечатления, но потом усовестилась и все же описала мистера Торнтона: – Высокий, широкоплечий, лет примерно... сколько ему, как ты думаешь, папа?

– Полагаю, около тридцати.

– Лет примерно тридцати, с лицом, которое нельзя назвать ни красивым, ни некрасивым. Так, ничего особенного. Не в полной мере джентльмен. Впрочем, этого и не следовало ожидать.

– Однако не вульгарен и не груб, – вставил отец, обиженный пренебрежительным отзывом о единственном друге, только что приобретенном в Милтоне.

– О нет! – воскликнула Маргарет. – С подобным выражением решительности и силы ни одно лицо, даже с самыми простыми чертами, не покажется вульгарным или грубым. Не хотелось бы иметь с ним дело: выглядит чересчур упрямым и несговорчивым. Человек, созданный для своего дела: умный, проницательный, волевой, как и положено успешному торговцу.

– Не называй фабрикантов из Милтона торговцами, Маргарет, – возразил отец. – Они совсем другие.

– Разве? Я применяю это слово ко всем, кто продает что-то осязаемое. Однако, если ты, папа, считаешь определение неверным, больше не буду его употреблять. Да, кстати, о вульгарности и грубости, мама! Ты должна заранее подготовиться к обоям в гостиной. Только представь: розовые и голубые цветы с желтыми листьями! И по всему потолку тяжелый лепной карниз!

К счастью, когда семейство приехало в новый дом, отвратительные обои исчезли. Хозяин принял благодарность очень сдержанно и позволил арендаторам думать, если им того хотелось, что он самостоятельно изменил решение. К чему им знать, что все просьбы неизвестного в Милтон-Нотерне преподобного мистера Хейла значили для него несравнимо меньше, чем одно-единственное лаконичное высказывание богатого уважаемого промышленника мистера Торнтона?

Глава 8. Тоска по дому

*Домой, домой, домой!
Домой душа влечет.*

Неизвестный автор

Новые обои почти примирили их с Милтоном, но не доставало чего-то большего и недостижимого. На город спустились густые желтые ноябрьские туманы, и когда миссис Хейл поселилась в новом доме, вид на широкую долину с плавным изгибом реки исчез.

Два дня подряд Маргарет и Диксон трудились не покладая рук, но комнаты все равно выглядели неряшливыми, а плотный туман подползал к окнам и ядовитыми белыми кольцами просачивался в открытые двери.

– Ах, Маргарет! Неужели нам придется здесь жить? – воскликнула миссис Хейл в беспомощном отчаянии.

Сердце Маргарет эхом повторило безысходность вопроса, так что она с трудом нашла силы для беззаботного ответа:

– О, лондонские туманы порой намного хуже!

– Но Лондон нам знаком, там жили друзья, а здесь! Здесь мы одни. Ах, Диксон! Что за ужасное место!

– Ваша правда, мэм. Не удивлюсь, что скоро вас здесь настигнет конец, и я знаю, кого винить... Подождите, мисс Хейл, не поднимайте! Для ваших рук это слишком тяжело.

– Вовсе нет, Диксон, спасибо, – холодно отозвалась Маргарет. – Лучшее, что можно сделать для мамы, это приготовить комнату, чтобы она смогла прилечь. А я принесу ей чашку кофе.

Мистер Хейл чувствовал себя столь же неудобно, как жена, и тоже искал у дочери сочувствия и поддержки.

– Маргарет, по-моему, это очень нездоровое место. Только представь, как пострадает мамино самочувствие. Да и твое тоже. Лучше бы я отправился в Уэльс, в самую глухую деревню. Здесь просто ужасно.

Он подошел к окну, сознавая, что утешения не найдет. Они приехали не куда-нибудь, а в Милтон-Нотерн, а значит, должны терпеть дым и туман. Жизнь утонула в таком же плотном тумане обстоятельств. Лишь накануне мистер Хейл обреченно подсчитал, во что обошелся переезд вместе с двухнедельным отдыхом в Хартоне, и горестно обнаружил, что растратил почти весь небольшой запас наличных средств. Нет уж, раз они сюда приехали, то должны здесь остаться.

Поздним вечером, поняв, что выхода не предвидится, Маргарет погрузилась в бессильное отчаяние. Тяжелый сырой туман окутал спальню, занимавшую длинный узкий выступ в дальней части дома. Окно, расположенное в боковой стене выступа, выходило на глухую стену не далее чем в десяти футах. Она маячила сквозь туман, преграждая путь надежде. В самой комнате царил хаос. Все усилия сосредоточились на создании если не удобной, то хотя бы приемлемой обстановки для мамы. Маргарет присела на дорожный сундук и вдруг заметила багажную квитанцию, на которой отправным пунктом значился Хелстон. Чудесный, любимый Хелстон! Горестно вздохнув, она совсем приуныла, но потом вспомнила, что получила от Эдит письмо, которое в суете до сих пор не успела прочесть. Решив отвлечься от настоящего, она вскрыла конверт. Кузина рассказывала о приезде на остров Корфу, о путешествии по Средиземному морю, о музыке и танцах на борту корабля, о новой веселой жизни, о доме с уви-

тым виноградом балконом, об открывающемся из окон восхитительном виде на белые скалы и синее море. Эдит излагала свои мысли легко и увлекательно, хотя и несколько небрежно, но Маргарет все-таки смогла сделать вывод, что капитан Леннокс и еще один недавно женившийся офицер сняли виллу на живописно нависшей над морем скале. Несмотря на позднюю осень, молодые люди прекрасно проводили время: катались на лодке, устраивали пикники. Радостная, полная развлечений и удовольствий жизнь Эдит напоминала безупречный, не затуманенный ни единым облачком свод голубого неба. Капитан регулярно проводил строевую подготовку, в то время как миссис Леннокс – самая музыкальная из офицерских жен – прилежно переписывала для дирижера оркестра популярные произведения современной английской музыки. На этом серьезные, утомительные обязанности заканчивались. В конце письма Эдит выражала горячую надежду: если полк останется на Корфу еще на год, то Маргарет обязательно приедет в гости, причем надолго. А еще спрашивала, помнит ли кузина, как год назад, такой же поздней осенью, на Харли-стрит весь день лил дождь, и ей ужасно не хотелось ехать на какой-то глупый обед, чтобы по пути к экипажу и обратно не намочить и не испачкать новое платье. А потом на этом обеде она встретила капитана Леннокса.

Да, Маргарет хорошо помнила тот день. Миссис Шоу и Эдит уехали на обед, а сама она присоединилась к ним позже. Память услужливо представила щедрую роскошь убранства, величественное богатство мебели, внушительные размеры дома, свободу и уверенность гостей. Картины прошлого особенно впечатляли в сравнении с нынешним убожеством. Гладкие блестящие воды столичной жизни, безразличные к их судьбам, равнодушно сомкнулись. Привычные званые обеды, визиты, поездки по магазинам, танцевальные вечера по-прежнему продолжают и будут продолжаться вечно, хотя ни тетушка Шоу, ни Эдит больше не принимают в них участия. А уж о ней-то и подавно никто никогда не пожалеет, да и не вспомнит никто... кроме разве что Генри Леннокса. Да и тот постарается выбросить ее из головы, чтобы поскорее забыть о пережитом разочаровании. Он не раз хвастался особым умением стирать неприятные мысли.

Маргарет задумалась о возможном развитии событий. Если бы она питала к Генри нежные чувства и приняла предложение, а тем временем произошло бы все то, что произошло, мистер Леннокс счел бы нужным скрыть недовольство. Для Маргарет это оказалось бы горьким унижением, и все же, сознавая чистоту помыслов отца, она сумела бы проявить терпение и смириться с его ошибками, хотя и считала их грубыми и тяжкими, а вот мистера Леннокса примитивное, лишенное сочувствия осуждение света наверняка огорчило бы и рассердило. Представив, что могло бы случиться, Маргарет поблагодарила милосердную судьбу. Сейчас они оказались на дне, дальше падать некуда. Изумление Эдит и потрясение тетушки Шоу придется терпеть молча. Ничего не поделаешь.

Маргарет встала с сундука и, наслаждаясь заслуженной свободой, начала медленно раздеваться. В столь поздний час, после суматохи и спешки долгого дня, уснула она в надежде на прояснение, будь то внутреннее или внешнее, но если бы представляла, как долго придется ждать света, сердце ее сжалось бы от печали.

Время года безжалостно испытывало не только телесное, но и душевное здоровье. Мама серьезно простудилась, и даже Диксон чувствовала себя плохо, хотя Маргарет не могла ее обидеть ничем иным, кроме искреннего стремления помочь. Нанять девушку-горничную никак не удавалось: все работали на фабрике, а те претендентки, которые приходили, немедленно попадали под суровую критику Диксон, считавшую их недостойными прислуживать в доме джентльмена, – поэтому пришлось нанять поденщицу. Маргарет мечтала вызвать из Хелстона Шарлотту, но они не могли позволить себе то жалованье, которого она заслуживала, да и ехать пришлось бы слишком далеко.

Мистер Хейл встретился с несколькими учениками, рекомендованными как мистером Беллом, так и мистером Торнтоном. Юноши их возраста обычно еще учились в школе, но в

соответствии с распространенным в Милтоне и, должно быть, обоснованным мнением, чтобы сделать из парня хорошего торговца, начинать следовало рано и едва ли с пеленок приучать его к работе на фабрике, в конторе или на складе. Пройдя курс даже в шотландском университете, молодой человек возвращался негодным к коммерции. Что уж говорить об Оксфорде или Кембридже, куда поступали не раньше восемнадцати лет? Поэтому, как правило, уже к четырнадцати-пятнадцати годам промышленники пресекали любые попытки сыновей заняться литературой или иными отвлеченными науками, надеясь направить силы и энтузиазм исключительно на коммерцию. И все же находились мудрые отцы и умные юноши, трезво оценившие пробелы в образовании и готовые их восполнить. Встречались даже люди зрелого возраста, обладавшие редким мужеством признать собственное невежество и наверстать упущенное. Мистер Торнтон стал самым старшим из учеников мистера Хейла и, безусловно, самым любимым. Мистер Хейл так часто и почтительно ссылался на его мнение, что дома даже шутливо уточняли, сколько минут из отведенного на занятия часа посвящалось учебе и не страдала ли от этого приятная беседа.

Маргарет старалась поддерживать легкое, шутливое отношение к дружбе отца с мистером Торнтоном, так как матушка откровенно ревновала. Если в Хелстоне она равнодушно смотрела на поздние возвращения мужа из прихода и долгое сидение над книгами, то сейчас, когда мистер Хейл с энтузиазмом готовился к очередной встрече с новым подопечным, раздражалась, как будто тот впервые в жизни пренебрегал ее обществом. В данном случае неумеренные восхваления производили на слушателей обычный эффект: как известно, те возмущались, когда Аристиды постоянно называли благочестивым.

После двадцати с лишним лет жизни и работы в сельском приходе энергия Милтон-Нотерна ошеломила мистера Хейла. Сила машин, сила людей, способных с легкостью решать любые, даже самые сложные, проблемы, поразила и подчинила, не вызвав желаний вникнуть в суть процессов. В отличие от отца Маргарет реже выходила из дома, меньше сталкивалась с людьми и видела не так много открытых проявлений промышленной мощи, но все же и ей довелось увидеть нескольких лидеров, которые повелевали судьбами сотен рабочих и в то же время страдали за их благо. Неизбежно возник вопрос: все ли сделано для того, чтобы облегчить мучения этих немногих? Или в триумфе победного марша упавших равнодушно затаптывали, вместо того чтобы бережно поднять и положить на обочину, подальше от завоевателя, с которым они больше не могут идти в ногу?

Маргарет пришлось взять на себя поиски служанки в помощь Диксон, хотя та поначалу намеревалась сама выбрать достойную исполнительницу грязной работы. Проблема в том, что ее представления о такой девушке основывались на воспоминаниях об ученицах старших классов школы в Хелстоне, которые гордились возможностью приходить в дом священника и относились к горничной даже с большим почтением и страхом, чем к мистеру и миссис Хейл. Сама Диксон вовсе не оставалась равнодушной к благоговению: ей это льстило не меньше, чем Людовика XIV – обычай придворных прикрывать при виде его ладонью глаза, чтобы не ослепнуть от сияния. Диксон не собиралась терпеть независимый, если не грубый, тон, с которым девушки Милтона отвечали на вопросы по поводу их умений и навыков. Даже преданная любовь к миссис Хейл не могла ее заставить. Некоторые даже набирались наглости и задавали встречные вопросы, поскольку сомневались в состоятельности семейства, снявшего дом за тридцать фунтов в год и при этом нанимавшего вторую служанку в помощь первой – высокомерной и властной. Мистера Хейла больше не воспринимали как уважаемого приходского викария и относились к нему как к всего лишь человеку с весьма скромным достатком. Маргарет с неизменным раздражением выслушивала мнение Диксон о поведении претенденток, когда та без стеснения делилась с ней. Грубые манеры этих девушек вызывали отвращение. Самоуверенность и запанибратство ранили и без того уязвленную гордость, а откровенное любопытство в отношении средств и положения людей, поселившихся в Милтоне, но не занимавшихся торговлей,

рождало гнев. Чем острее Маргарет переживала их дерзость и нахальство, тем меньше хотела обсуждать эту тему. Взяв на себя переговоры с местными девушками, она надеялась избавить маму от бесконечных рассказов о разочарованиях, воображаемых или реальных оскорблениях.

В поисках одной-единственной подходящей помощницы Маргарет заходила в мясные и бакалейные лавки, однако неделя безрезультатно сменяла неделю, и планку ожиданий приходилось снижать: в промышленном городе все предпочитали трудиться на фабрике, где и жалованье выше, и независимости больше. Каждый выход на шумную, заполненную людьми и повозками улицу становился нелегким испытанием. Представления о приличиях, равно как и собственная беспомощность, заставляли миссис Шоу выпускать дочь и племянницу из дома не иначе как в сопровождении лакея. В то время ограничение свободы рождало в душе молчаливый протест; тем большую радость доставляли вольные прогулки по лесам и полям Хелстона. Там Маргарет смело ходила туда, куда вела душа. Если спешила, то без стеснения бежала, а порой останавливалась, прислушиваясь и приглядываясь к какому-нибудь неведомому существу, распевавшему среди листвы или блестящими глазками смотревшему из-под раскидистого куста. Перейти от свободы передвижения к принятому на городских улицах ровному, размеренному шагу оказалось непросто, но Маргарет лишь посмеялась бы над этим испытанием, если бы оно не сопровождалось другой, более серьезной неприятностью. Та часть города, в которой располагался Крамптон, служила трудовому люду дорогой на работу и с работы. На дальних улицах сконцентрировались фабрики, откуда два-три раза в день выливались и куда устремлялись потоки мужчин и женщин, и Маргарет, пока не запомнила время массового движения, то и дело попадала в самую гущу толпы. Эти люди шли напористо, с выражением тупого бесстрашия на лицах, с громким смехом и грубыми шутками, нацеленными на тех, кто был выше их по социальному или должностному положению. Поначалу Маргарет пугалась этой необузданности, пренебрежения элементарными правилами вежливости. Женщины фамильярно, хотя и с одобрением, комментировали ее одежду и даже трогали шаль и платье, чтобы определить, что за ткань, а пару раз что-то спрашивали про особенно понравившиеся вещи. В каждом таком обращении ощущалась безыскусная вера в женское взаимопонимание, в доброту, поэтому Маргарет с готовностью отвечала на вопросы, а услышав забавное замечание, даже улыбалась. Если против встреч с девушками, какими бы шумными и бесшабашными те ни казались, она ничего не имела, то мужчины с той же незамысловатой простотой вслух обсуждавшие не только одежду, но и внешность, вызывали настоящий ужас. Маргарет, до сих пор считавшая неприличным любое замечание в свой адрес, теперь должна была терпеть откровенное восхищение, высказанное самым незамысловатым образом. К сожалению, страх перед беспорядочной толпой помешал понять сразу, что именно эта простота свидетельствовала о невинности намерений и нежелании ранить ее чувствительность. Тот же страх породил негодование, от которого лицо краснело, а темные глаза вспыхивали огнем, и только вечером, в тишине и безопасности спальни, некоторые замечания казались не столько неприличными, сколько забавными.

Например, однажды, когда она проходила мимо группы мужчин, кто-то ей вслед, после шуточного предложения стать его подружкой, добавил: «Посмотришь на тебя, красавица, и день становится светлее».

В другой раз, когда она бессознательно улыбнулась какой-то своей мыслью, бедно одетый рабочий средних лет заметил: «Улыбайся, милая, почаще. С таким хорошеньким личиком нельзя хмуриться». Мужчина этот выглядел таким усталым, что Маргарет не удержалась и открыто улыбнулась в ответ, радуясь, что одним лишь своим видом способна поднимать настроение. После этого, словно в силу тайной договоренности, встречаясь на улице, оба молча приветствовали друг друга. Они не обменялись ни единым словом, и все же Маргарет смотрела на этого человека с большим интересом, чем на кого бы то ни было в Милтоне. Несколько раз,

по воскресеньям, она встречала этого рабочего в обществе девушки – очевидно, дочери, еще более нездоровой, чем он сам.

Однажды Маргарет вместе с отцом отправилась на прогулку по окрестностям Милтона. Стояла ранняя весна, луга радовали глаз яркими красками, и она собрала большой букет из диких фиалок, чистотела и других, столь же простых и милых цветов, в глубине души оплакивая разноцветное богатство юга. На обратном пути мистер Хейл отправился по делам. Маргарет пошла домой в одиночестве и по дороге встретила своих скромных друзей. Девушка так грустно посмотрела на цветы в ее руках, что, подчинившись душевному порыву, Маргарет протянула ей букет. В бледно-голубых ее глазах вспыхнули радостные искры, а ее отец проговорил:

– Спасибо, мисс, вы очень добры. Бесси обожает цветы. А вы, похоже, не из наших краев?

– Нет, мы приехали с юга, из Гэмпшира, – вздохнула Маргарет.

– Кажется, это где-то за Лондоном? А я сам из Барнли, что в сорока милях к северу отсюда. Вот видите, север и юг встретились в этом большом дымном городе и вроде как подружились.

Маргарет замедлила шаг, чтобы идти с ними рядом, – слабость не позволяла мужчине двигаться быстрее, – и заметила, обратившись к девушке:

– Боюсь, вы не очень здоровы.

– Так и есть, – как-то очень легко согласилась та. – И уже никогда не выздоровею.

– Но ведь наступает весна: солнце, тепло, – заметила Маргарет, пытаясь вселить в нее надежду.

– Ни весна, ни лето мне не помогут, – едва слышно произнесла девушка.

Маргарет взглянула на ее отца, ожидая услышать возражения или хотя бы слово вопреки обреченности дочери, но тот лишь добавил:

– К сожалению, она права: болезнь зашла слишком далеко.

– Так что буду встречать весну там, где суждено, – с цветами, амарантами, в красивом платье...

– Бедная, бедная девочка! – тихо вздохнул отец. – Совсем не уверен, что будет именно так, но ее эта мысль утешает. Несчастливая! Уже совсем скоро!

Его слова поразили Маргарет, но вовсе не оттолкнули, а скорее увлекли и заинтересовали.

– Где вы живете? Должно быть, где-то недалеко, ведь мы так часто встречаемся.

– Квотируем на Френсис-стрит, девять. Второй поворот налево, как пройдете таверну «Золотой дракон».

– А как вас зовут? Я обязательно запомню.

– Николас Хиггинс, а дочку – Бесси Хиггинс. Зачем вы спрашиваете?

Маргарет удивилась. В Хелстоне каждый сразу бы понял, что если кто-то хочет знать твое имя и адрес, значит, собирается тебя навестить.

– Подумала... что, возможно, вы не станете возражать, если я к вам когда-нибудь зайду.

Внезапно она смутилась, осознав, что для визита нет иной причины, кроме обыкновенного интереса к незнакомым людям. Собственное поведение вдруг показалось ей бесцеремонным, и укоризненный взгляд, а потом и слова собеседника это подтвердили.

– Не очень-то люблю принимать дома чужих людей. Сразу видно, что вы здесь чужая и, наверное, почти никого не знаете. Вот и цветы дочке подарили. Впрочем, можете прийти, если хотите.

Ответ одновременно и обидел ее, и утвердил в мысли, что столь откровенное снисхождение вряд ли вдохновит ее на продолжение знакомства, поэтому слова девушки на углу Френсис-стрит ее очень удивили:

– Обязательно приходите нас навестить, – остановившись, твердо сказала Бесси.

– Да-да, – нетерпеливо вмешался Николас. – Придет, не волнуйся. Сейчас она немного обижена: полагает, что я мог бы ответить и повежливей, – но потом успокоится, подумает и придет. На ее гордом хорошеньком личике все написано как в книге. Пойдем, Бесс: на фабрике уже звонит колокол.

Домой Маргарет возвращалась в приподнятом настроении, вспоминая новых друзей и радуясь сделанному открытию: простые люди, а такие проникательные, с тонкой душевной организацией.

С этого дня Милтон-Нотерн стал как будто светлее, но не потому что весна принесла долгие солнечные, хотя и прохладные дни. И не потому, что время заставило примириться с чужим городом. Главное – здесь удалось встретить живой человеческий интерес.

Глава 9. Надо ли переодеваться к чаю?

*Китая дар, украшенный изысканным узором,
Лазурь небес и мрак земли открывший взору, –
Волебною Индиш прими счастливый дар:
В напитке солнечном таится солнца жар.*

Барбо А.

Вскоре после той встречи Маргарет с Хиггинсами мистер Хейл поднялся в маленькую гостиную в неуточный час, походил по комнате, рассматривая то одну, то другую вещь, но Маргарет понимала, что отец лишь тратит время, собираясь с духом, чтобы что-то сказать. И вот наконец решился:

– Дорогая! Я пригласил мистера Торнтон на чай. Сегодня вечером.

Миссис Хейл сидела в кресле, откинувшись на спинку и прикрыв глаза. В последнее время с усталого лица не сходило выражение боли, но слова мужа вырвали ее из полубытья.

– Мистера Торнтон! Сегодня вечером! Ради чего, скажи на милость, ему сюда приходиться? К тому же Диксон забрала в стирку мои муслиновые платья и кружева, а с этими ужасными восточными ветрами негде взять мягкой воды. Очевидно, так будет круглый год.

– Ветер как раз меняется, дорогая, – возразил мистер Хейл и посмотрел в окно: дым плыл как раз с востока, – а поскольку еще не понял, куда показывают стрелки компаса, трактовал их значение по собственному желанию, руководствуясь обстоятельствами.

– Лучше не говори об этом! – Миссис Хейл вздрогнула и плотнее закуталась в шаль. – Полагаю, впрочем, откуда бы ни дул ветер, этот человек все равно придет.

– Ах, мама, сразу видно, что ты не знакома с мистером Торнтоном. Ему любое препятствие, будь то враги, ветры или обстоятельства, ничто. Чем хуже погода, тем очевиднее его визит. Пожалуй, пойду помогу Диксон. Скоро стану заправской прачкой, даже крахмалить научусь. Кстати, никаких других развлечений, кроме беседы с наставником, гостю не потребуются. Право, папа, мечтаю увидеть Пифия, достойного твоего Дамона. Мы с ним встретились один-единственный раз, да и то оба растерялись до такой степени, что так и не смогли придумать тему для беседы.

– Вряд ли, дочка, мистер Торнтон произведет на тебя благоприятное впечатление. К числу дамских угодников его никак не отнесешь.

Маргарет презрительно поморщилась:

– Дамские угодники не в моем вкусе, папа. А мистер Торнтон посетит нас в качестве твоего преданного друга – того, кто сумел по достоинству оценить...

– Единственный человек в Милтоне, – вставила миссис Хейл.

– А потому мы встретим его радушно и даже угостим шоколадным печеньем. Диксон обрадуется, если попросим ее испечь. А я обязуюсь погладить твои чепчики вместо нее, мама.

В то утро Маргарет не раз пожалела о грядущем визите, так как собиралась заняться другими делами: написать обстоятельное письмо Эдит, почитать Данте, навестить Хиггинсов, – а вместо этого пришлось без усталости гладить, одновременно выслушивая бесконечное нытье Диксон и утешаясь тем, что щедрое выражение сочувствия спасет матушку от жалоб и ворчания горничной. Чтобы подавить вызванное усталостью раздражение и начинавшийся приступ головной боли, Маргарет время от времени напоминала себе о дружбе отца с мистером Торнтоном, а когда удалось присесть, заявила, что прачка Мэгги наконец-то превратилась в

молодую леди Маргарет Хейл. Замечание должно было прозвучать шутливо, но, к сожалению, матушка восприняла его всерьез.

– Да! Если бы в то время, когда меня звали «мисс Бересфорд» и считали одной из первых красавиц графства, кто-то сказал, что моей дочери придется полдня гладить в тесной кухне вместо служанки, чтобы как следует подготовиться к визиту торговца, и что этот торговец – единственный, кто...

– Ах, мама! – воскликнула Маргарет, выпрямляясь и поднимая голову. – Не наказывай меня за неосторожное слово! Я не имею ничего против что-то сделать для тебя или папы. Даже если мне придется подмести пол и вымыть посуду, я ни на мгновение не забуду, что рождена леди. Да, сейчас я устала, но уже через полчаса снова смогу заняться тем же. А что касается деятельности мистера Торнтон, то придется смириться. Здесь мы бедняге ничем не поможем. Сомневаюсь, что образование позволит ему заняться чем-то иным.

Маргарет медленно встала и вышла из гостиной, чтобы восстановить душевное равновесие. Все, пока достаточно.

Тем временем в доме мистера Торнтон происходила похожая, хотя, в некотором смысле, противоположная сцена. Солидного сложения леди, давно переступившая порог среднего возраста, сидела за рукоделием в просторной, красиво обставленной, но унылой столовой. Ее черты, так же как фигура, производили впечатление не столько тяжелых, сколько определенных и сильных. Одно решительное выражение лица медленно сменялось другим, столь же решительным. Большого разнообразия это лицо не представляло, однако тот, кто взглянул бы на него однажды, непременно посмотрел бы снова. Даже прохожие на улицах оборачивались, чтобы не потерять из виду уверенную, строгую, полную достоинства даму, никогда не снисходившую до мелочной любезности и ни на миг не прерывавшую путь к намеченной цели. Одетая она была в красивое черное шелковое платье, ни одна нить которого не выглядела выцветшей или потертой, и в данную минуту чинила старинную скатерть, время от времени приподнимая ее против света, чтобы обнаружить нуждавшиеся в нежной заботе изъязны. В комнате не было заметно ни одной книги, если не считать шеститомника комментариев Мэтью Генри к Библии, давно и прочно поселившегося на массивном буфете между чайником и лампой. Из дальней комнаты доносились звуки фортепиано: кто-то разучивал салонную пьесу, пытаясь исполнить ее в предельно быстром темпе. В результате каждая третья нота или звучала неясно, или вообще пропадала, а громкие заключительные аккорды состояли из фальшивых звуков, но, похоже, это никак не огорчало исполнительницу. Миссис Торнтон услышала в коридоре шаги – столь же уверенные и решительные, как ее собственная поступь.

– Джон, это ты?

Сын открыл дверь и поклонился.

– Почему ты так рано? Кажется, собирался на чай к другу мистера Белла, мистеру Хейлу.

– Так и есть, мама. Заехал переодеться.

– Переодеться! Еще чего! В дни моей молодости мужчины одевались один раз в день и считали это вполне достаточным. С какой стати, чтобы выпить чашку чая со старым викарием, нужно наряжаться?

– Мистер Хейл – джентльмен, а его жена и дочь – леди.

– Жена и дочь! Они что, тоже дают уроки? И что собой представляют? Ты никогда о них не упоминал.

– Не упоминал, потому что еще ни разу не встречался с миссис Хейл, а с мисс Хейл беседовал лишь однажды, и то не более получаса.

– Смотри, Джон, чтобы эта девица без гроша в кармане тебя не захомотала!

– Это не так-то просто, и ты, мама, об этом прекрасно знаешь, и все же не могу допустить, чтобы о мисс Хейл говорили в оскорбительном тоне. До сих пор не замечал, чтобы кто-то из молодых леди объявлял на меня охоту.

Миссис Торнтон не пожелала отступить: возможно, не позволила женская гордость, – и заявила:

– Я всего лишь тебя предупредила об осторожности. А что касается девушек Милтона, то, надо полагать чувство собственного достоинства и рассудительность не позволяют им вести себя слишком активно. Насколько мне известно, эта мисс Хейл приехала из аристократических краев, а там, если верить слухам, богатые мужья слынут желанной добычей.

Мистер Торнтон нахмурился, подошел ближе и с коротким сухим смехом проговорил:

– Мама, ты заставляешь признаться. В тот единственный раз, когда мы виделись, мисс Хейл вела себя с высокомерной вежливостью, граничившей с презрением: держалась с холодной отстраненностью, как будто она королева, а я – убогий немый вассал. Так что успокойся.

– Нет, не успокоюсь и не смирюсь. Разве дочь пастора-вероотступника имеет право задирать нос перед уважаемым промышленником? На твоём месте я бы ни за что не стала переодеваться ради этих самоуверенных чужаков!

Выходя из комнаты, мистер Торнтон заметил напоследок:

– Мистер Хейл – добропорядочный образованный человек, и вовсе не самоуверенный. А что касается миссис Хейл, то сегодня вечером, если захочешь, расскажу и о ней.

Он закрыл за собой дверь.

– Презирать моего сына! Обращаться с ним как с вассалом! Подумать только! Хотелось бы знать, где она найдет другого столь же достойного молодого человека! Мой Джон с детства отличался благородной душой и отважным сердцем. Неважно, что я мать. Не слепая и хорошо вижу, что к чему. Понимаю, чего стоит Фанни и чего стоит Джон. Презирать его! Я ее уже ненавижу!

Глава 10. Кованое железо и золото

Мы деревья, окрепише в бурях.
Герберт Д.

Мистер Торнтон уже опаздывал, поэтому ушел из дому, больше не заглянув в столовую, и быстрым шагом направился в Крамптон. Не хотелось показаться невежей и обидеть нового друга отсутствием пунктуальности. Когда он стоял у двери, часы на церкви пробили половину восьмого. Диксон открывать не спешила, считая данную обязанность ниже своего достоинства. Он вошел в маленькую гостиную, где был тепло встречен мистером Хейлом. Хозяин представил гостя супруге, чье бледное лицо и закутанная в шаль фигура оправдывали холодную вялость приветствия. Когда он вошел в комнату, Маргарет зажигала лампу: сумерки сгустились. Лампа ярко осветила середину комнаты, но шторы по деревенской привычке не задернули, не желая отгораживаться от естественной темноты за окнами. Эта комната разительно отличалась от той, которую он недавно покинул, – красивой, скучной, массивной, не напоминавшей о женском присутствии, если не считать того угла, где сидела за работой матушка, и не предполагавшей иного назначения, кроме еды и питья. Столовая оставалась столовой. Мама любила проводить там время, а ее воля всегда считалась в доме законом. Гостиная их дома совсем не походила на эту и выглядела в двадцать раз красивее, но в то же время не предоставляла даже четверти удобств. Здесь не было ни зеркал, ни стеклянных поверхностей, отражающих свет подобно водной глади в пейзаже, ни позолоты, лишь мягкие теплые цвета, облегченные привезенными из Хелстона милыми сердцу ситцевыми занавесками и мебельными чехлами. Напротив двери в углублении эркера разместился открытый письменный стол. Рядом, на подставке, стояла высокая белая фарфоровая ваза, где мирно соседствовали плети плюща, гибкие бледно-зеленые ветви березы и медные листья бука. В нескольких местах ожидали своего часа симпатичные корзинки с рукоделием, а книги, выбранные не только по цвету переплетов, лежали на столе, словно их недавно читали. За дверью скрывался еще один стол, накрытый к чаю. На белой скатерти живописно смотрелось блюдо с шоколадным печеньем и корзинка с апельсинами и румяными американскими яблоками.

Сразу стало ясно, что все эти милые мелочи обычны для семьи и особенно гармонируют с образом Маргарет. Она стояла возле чайного стола в светлом муслиновом платье с розовой отделкой и не участвовала в разговоре, а сосредоточенно расставляла чашки. Мягкие белые руки летали легко и плавно. Тонкий браслет то и дело спадал на запястье, и за возвращением непослушного украшения на место мистер Торнтон следил куда внимательнее, чем за речами мистера Хейла. Почему-то хотелось увидеть, как молодая леди нетерпеливо задвинет браслет так высоко, что он сожмет нежную кожу, но потом упрямо соскользнет к запястью. Трудно было удержаться, чтобы не крикнуть: «Вот, опять падает!»

Подготовка к чаю подошла к концу, и мистер Торнтон почти пожалел, что необходимость есть и пить настала так скоро и прервала наблюдение за Маргарет. Чашку она подала с гордым видом непокорной рабыни, однако сразу заметила, когда пришла пора снова ее наполнить. Ах как хотелось попросить сделать то же самое, что она по привычке сделала для отца: тот сжал ее нежные пальчики своей рукой и использовал их на манер сахарных шипчиков. Мистер Торнтон заметил, как прекрасные глаза обратились к отцу со светлой, исполненной любви улыбкой: оба решили, что никто не заметил игры. У Маргарет до сих пор болела голова, о чем свидетельствовали бледность и молчаливость, однако она сохраняла готовность мгновенно вклинуться в затянувшуюся паузу, лишь бы друг, ученик и гость отца не почувствовал себя хотя бы в малейшей степени обойденным вниманием. К счастью, разговор продолжался свободно и есте-

ственно, а потому, убрав чайные приборы, она устроилась в уголке рядом с матерью, занялась рукоделием и позволила себе отвлечься, не тревожась о том, что придется спасать положение.

Хозяин и гость погрузились в обсуждение, начатое еще во время предыдущей встречи. Из глубокой задумчивости Маргарет вывело какое-то тривиальное, негромко произнесенное замечание матери. Она подняла глаза и вдруг обратила внимание на разницу во внешности отца и мистера Торнтон, отражавшую противоположность натур. Отец отличался легким сложением, отчего казался выше, чем был на самом деле, – разумеется, только не рядом с рослым массивным собеседником. Черты лица мистера Хейла, мягкие и подвижные, передавали малейшее изменение настроения. Тяжелые веки с густыми ресницами придавали глазам томную, почти женственную красоту, как и изящно изогнутые тонкие брови высоко над ними. Прямые густые брови мистера Торнтон низко нависали над чистыми, глубоко посаженными серьезными глазами. Взгляд проникал в самую суть объекта внимания, но в то же время не приобретал неприятной остроты. Морщин на лице было мало, а те, что имелись, казались высеченными из мрамора и группировались возле рта. Твердые волевые губы плотно прикрывали зубы такой безупречной белизны, что редкая улыбка напоминала солнечный луч. Она появлялась неожиданно и полностью изменяла его лицо: суровое и решительное выражение внезапно уступало место мгновенной безотчетной радости, доступной лишь детям. Эта улыбка не просто понравилась Маргарет, но и положила начало доброму отношению к новому другу отца. А разница характеров, ярко проявившаяся в заметных особенностях внешности, вполне объясняла взаимное притяжение, объединявшее наставника и ученика.

Маргарет поправила мамину вышивку и снова углубилась в собственные мысли. Мистер Торнтон совершенно забыл о ее присутствии, с увлечением объясняя старшему другу огромную мощь и в то же время почти ювелирную точность настройки парового молота. Мистеру Хейлу рассказ напомнил чудесные истории «Тысячи и одной ночи», где могущественные джинны то взлетали до небес, заполняя собою горизонт, то послушно прятались в помещавшийся в детской руке сосуд.

– Всем невероятным пониманием и представлением силы, всем практическим воплощением титанической мысли мы обязаны одному-единственному жителю нашего славного города. Этот человек обладает необыкновенной способностью шаг за шагом совершенствовать сотворенное им чудо. Должен сказать, что среди нас найдется немало смельчаков, в случае его слабости или ухода готовых броситься в битву и продолжить войну, подчиняющую материальную мощь силе науки.

– Ваше хвастовство напомнило мне известную цитату: «В Англии есть сотня капитанов, ничем не уступающих ему».

Услышав из уст отца эти строки, Маргарет удивленно подняла голову. Каким чудесным образом от зубчатого колеса они перешли к Чеву Чейзу¹?

– Я вовсе не хвастаюсь, – возразил мистер Торнтон, – а всего лишь говорю о том, что существует на самом деле. Не стану отрицать, что горжусь принадлежностью к своему городу – или, лучше сказать, местности, – потребности которой вызвали к жизни подобное величие мысли. Скорее готов вести здесь тяжкое, малоуспешное существование, чем уныло процветать в замшелом аристократическом обществе юга, коротая день за днем в безмятежной лени. Можно так глубоко погрузиться в мед, что не удастся выбраться и взлететь.

– Ошибаетесь, – проговорила Маргарет, искренне возмущенная несправедливыми нападками на любимый юг. Лицо ее вспыхнуло, а глаза наполнились сердитыми слезами. – Очевидно, вам ничего не известно о юге. Пусть там меньше авантюризма или прогресса – полагаю, мне не следует говорить о возбуждении, – рожденного азартным духом торговли, ответственным за все эти чудесные изобретения, но там меньше и страданий. Здесь же на улицах полно людей

¹ Чеву Чейзу (р. 1943) – американский комедийный актер. – *Здесь и далее примеч. ред.*

с потухшим от забот и печали взглядом. Они не только страдают, но и ненавидят. У нас на юге тоже немало бедняков, однако их лица не несут печати жестокой несправедливости. Вы просто не знаете юга, мистер Торнтон!

Последние слова прозвучали с некоторым даже вызовом, и Маргарет погрузилась в угрюмое молчание, жалея, что наговорила лишнего.

– Могу ли я вам возразить, сказав, что вы не знаете севера? – мягко поинтересовался гость, поняв, что невольно обидел молодую леди.

Маргарет упорно хранила молчание, с тоской вспоминая любимые места родного Гэмпшира и опасаясь, что дрожь в голосе выдаст волнение.

– Во всяком случае, мистер Торнтон, – поспешила на помощь миссис Хейл, – вы не станете отрицать, что Милтон намного грязнее любого города юга. Да и воздух здесь невыносимый.

– Боюсь, что не смогу заверить вас в его чистоте, – признал тот с ослепительной улыбкой, – однако парламент обязал нас сжигать собственный дым. Так что, полагаю, как послушные дети, мы поступим именно таким образом... когда-нибудь.

– Насколько мне помнится, однажды вы упомянули, что усовершенствовали свои трубы с определенной целью: чтобы поглощали дым. Разве не так? – уточнил мистер Хейл.

– Я сделал это добровольно, еще до того, как в дело вмешался парламент. Пришлось вложить значительную сумму, однако она окупается экономией угля. Не уверен, что сделал бы это, если бы понадеялся на принятие закона. Во всяком случае, дождался бы предупреждения, штрафа и необходимости неукоснительно выполнять предписания. Однако все законы, исполнение которых зависит от инспекций и штрафов, тормозятся несовершенством оборудования. Сомневаюсь, что за пять последних лет хотя бы на одну трубу в Милтоне наложили штраф, хотя некоторые из них непрерывно выбрасывают в воздух треть сожженного угля в виде так называемого «непарламентского дыма».

– Беда в том, что муслиновые шторы здесь пачкаются меньше, чем за неделю, а в Хелстоне мы стирали их не чаще раза в месяц, причем не потому, что они были грязными, – просто так повелось. А что касается рук... Маргарет, сколько раз ты мыла руки утром, до полудня? Трижды, не так ли?

– Да, мама.

– Судя по всему, вы недовольны парламентскими актами, затрагивающими интересы производства, – заметил мистер Хейл.

– Да, недоволен, как и многие другие промышленники. Полагаю, вполне оправданно. Все оборудование – сейчас я говорю не об обработке дерева и железа, а только о ткацких станках, – настолько новое, что нельзя ожидать от него безупречной работы. Что было семьдесят лет назад и что есть сейчас? Столкнулись две безудержные силы. Люди равного уровня образования и равного происхождения вдруг разделились на хозяев и рабочих. И произошло это исключительно благодаря умственным способностям, готовности понять и использовать новые возможности великого будущего, скрытого в грубой модели сэра Ричарда Аркрайта. Быстрое развитие отрасли, которую можно смело назвать новой торговлей, дало молодым хозяевам безмерную силу богатства и власти, причем власти не только над рабочими, но и над покупателями. Я говорю о мировом рынке. В качестве примера могу привести объявление, данное в местной газете меньше пятидесяти лет назад. В нем говорилось, что такой-то (один из дюжины производителей ситца) отныне будет закрывать свой склад ровно в полдень. Следовательно, все покупатели должны успеть до этого часа. Только представьте: этот человек начал диктовать свои условия торговли. А сейчас, если ночью придет хороший покупатель, я встану с кровати и выполню любой его каприз.

Маргарет поджала губы, однако ничего не сказала: отвлечься уже не удавалось.

– Я говорю об этом, чтобы показать, какой бесконечной властью обладали промышленники в начале века. Понятно, что у многих начинала кружиться голова. Если человек добился успеха в своем деле, это еще не означает, что во всем остальном его сознание работало так же безукоризненно. Напротив, часто и чувство справедливости, и простота общения полностью растворялись в потоке богатства. Не случайно ходят слухи о странностях и экстравагантных замашках первых хлопковых королей. Правда и то, что они нещадно угнетали рабочих. Вы, мистер Хейл, наверняка знаете пословицу: «Посади нищего на коня, и он поскачет в ад». Действительно, кое-кто из первых фабрикантов пустился во все тяжкие, невзирая на потери, оставляя за собой раздробленные человеческие кости, однако постепенно наступало отрезвление. Появилось больше фабрик, хозяевам потребовались рабочие. Силы тех и других пришли к некоторому равновесию. А сейчас борьба между нами приняла справедливый характер. Мы не подчинимся решению постороннего арбитра и тем более не потерпим вмешательства невежды, практически не имеющего представления о реальном состоянии дел. Пусть даже этот невежда гордо величает себя Высоким судом парламента.

– Действительно ли необходимо называть это противостояние классовой борьбой? – уточнил мистер Хейл. – Судя по тому, как вы используете термин, в вашем сознании именно он отражает реальную обстановку.

– Да, правда. Полагаю, термин необходимым, поскольку скромная мудрость и благоразумное поведение постоянно встречают сопротивление и вынуждены сражаться с невежеством и безрассудством. Одно из главных преимуществ нашей системы состоит в том, что рабочий обладает возможностью силой своей целеустремленности подняться до положения хозяина; что каждый, кто преданно исполняет свои обязанности и при этом соблюдает все правила достойного поведения, возвышается в глазах общества и становится если не хозяином, то надзирателем, кассиром, бухгалтером, конторским служащим, – одним словом, переходит на ступеньку управления и порядка.

– Если я правильно поняла, всех, кому по какой-то причине не удалось занять в мире прочное место, вы считаете врагами, – холодно заявила Маргарет.

– Их собственными врагами, – поспешно уточнил мистер Торнтон, немало обиженный высокомерным осуждением. – Да, несомненно.

Однако уже в следующий момент честность перед самим собой заставила его осознать слабость и уклончивость ответа. Джон Торнтон почувствовал, что, несмотря на открытое презрение собеседницы, обязан донести до ее сознания смысл собственных слов, только вот преодолеть предвзятость суждения и заставить принять истинный смысл оказалось непросто. Лучшей, самой наглядной иллюстрацией послужила бы история собственной жизни, но разве допустимо поднимать столь личную тему в разговоре с посторонними людьми? И все же более простого и прямого способа объясниться не нашлось, поэтому, подавив стеснительность, мистер Торнтон решился.

– Я говорю не без основания. Шестнадцать лет назад мой отец умер в отчаянных обстоятельствах. Мне пришлось бросить школу и за каких-то несколько дней превратиться из ребенка в мужчину, главу семьи (разумеется, по мере возможности). Мало кого Господь благословил такой матушкой, как моя. Это волевая, решительная и мудрая женщина. Мы переехали в крошечный сельский городок, где жизнь требовала значительно меньших расходов, чем в Милтоне, и я поступил на работу в магазин мануфактурных товаров (надо сказать, прекрасное место для обучения). Доход наш составлял всего пятнадцать шиллингов в неделю. На эти деньги существовала семья из трех человек, однако матушка сумела так организовать хозяйство, что я регулярно откладывал по три шиллинга. Таким способом удалось собрать некоторую сумму, а главное – научиться самоограничению. Теперь, когда уже могу обеспечить матушке весь комфорт, которого требует не столько ее желание, сколько возраст, я не устаю благодарить ее за воспитание. Сознывая, что мой успех вовсе не результат удачи, заслуг или

таланта, а следствие образа жизни, научившего презирать не заработанную праведным трудом роскошь – да и вообще любую роскошь, – воспринимаю то страдание, которое мисс Хейл заметила на лицах обитателей Милтона, естественным наказанием за полученное ранее нечестное, незаслуженное удовольствие. Беспечных, потакающих своим прихотям я вовсе не считаю достойными ненависти, скорее – жалости и снисходительности за слабость характера.

– И все же вам достались зачатки хорошего образования, – заметил мистер Хейл. – Свобода, с которой вы читаете Гомера, доказывает, что книгу эту вы держите в руках не впервые.

– Все верно. В школе я действительно старательно корпел над классиками, и осмелюсь похвалиться, считался признанным знатоком античной литературы, хотя с тех пор и латынь и древнегреческий изрядно стерлись из памяти. Но подготовило ли меня это знание к той жизни, которую пришлось вести, – вот в чем вопрос. Нет, нисколько. Что касается образования, то любой грамотный человек вполне мог соперничать со мной в количестве полезных знаний.

– Не могу с этим согласиться, но в данном случае во мне, должно быть, говорит педант. Разве воспоминания о героической простоте описанной Гомером жизни вас не вдохновляли?

– Ничуть! – со смехом воскликнул мистер Торнтон. – Дела насущные не позволяли мне много думать о давно почивших героях: вполне реальные конкуренты наступали со всех сторон в борьбе за кусок хлеба. Только теперь, достойно отблагодарив матушку за самоотверженность и обеспечив ей приличный возрасту душевный покой, я считаю возможным обратиться к древнему преданию, что и делаю с наслаждением.

– Признаюсь, мое замечание основано на профессиональном чувстве. Не забывайте, что всякий кулик свое болото хвалит, – заключил мистер Хейл.

В должный час мистер Торнтон поднялся, пожал руку мистеру Хейлу, затем – миссис Хейл и повернулся к Маргарет, чтобы попрощаться тем же способом, что был принят и признан в Милтоне, однако молодая леди оказалась неготовой к такому обращению и, не подав руки, просто поклонилась. Уже в следующий момент она осознала свою оплошность, но было поздно: мистер Торнтон быстро вышел из дома, обиженно пробормотав себе под нос:

– В жизни не встречал более высокомерной и заносчивой особы!

Глава 11. Первые впечатления

*Говорят, железо есть в крови у нас –
Из земли черпаем силы про запас.
Жаль, что кто-то – ошибусь едва ли –
Создан с головы до ног из стали.*

Неизвестный автор

– Маргарет, – проводив гостя и вернувшись в комнату, сказал мистер Хейл, – я с тревогой наблюдал за тобой, когда мистер Торнтон рассказывал, как работал в магазине мальчиком на побегушках. Сам я ничуть не удивился, так как уже слышал об этом от мистера Белла, но очень испугался, что ты встанешь и выйдешь из комнаты.

– Ах, папа, неужели ты считаешь меня настолько глупой? Напротив, его рассказ о себе привлек меня гораздо больше других рассуждений, совершенно отталкивающих из-за своей жесткости. О себе он говорил так просто, без капли обычной для торговцев вульгарной претензии, и с таким нежным уважением к матушке, что уходить совсем не хотелось. Иное дело – восхваление Милтона, как будто это лучший на свете город, или спокойное признание в презрении к беднякам за безалаберность и лень без малейшего намерения их изменить, поделиться хотя бы каплей того несравненного воспитания, которым одарила его мать, подготовив к нынешнему положению, каким бы то ни было.

– Удивляюсь тебе, Маргарет, – покачала головой миссис Хейл. – В Хелстоне ты не особенно жаловала торгашей! Не думаю, что, представив нам этого человека и не предупредив, кем он был прежде, твой отец поступил правильно. Лично я очень боялась показать, насколько шокирована некоторыми подробностями его биографии. Папаша его умер «в отчаянных обстоятельствах»... можно подумать, что это случилось в работном доме!

– Склонен думать, что на самом деле имело место нечто худшее, чем работный дом, – заметил супруг. – До нашего приезда сюда мистер Белл подробно описал мне прежнюю жизнь мистера Торнтонна. Пожалуй, позволю себе заполнить пробелы. Отец его, отчаянный игрок, в пух и прах проигрался на бирже и покончил с собой, не стерпев позора. Все бывшие друзья отвернулись от него, опасаясь разоблачений в бесчестной игре – дикой, беспомощной аванюре с чужими деньгами ради собственной скромной порции достатка. Никто не пришел на помощь ни матери, ни мальчику, ни еще одному ребенку, – кажется, девочке, – слишком маленькой, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Миссис Торнтон оказалась не из тех, кто готов ждать запоздалого милосердия, поэтому семья покинула Милтон. Я знал, что мальчик поступил на работу в магазин и что его жалованье вкупе с каким-то мизерным состоянием матери долгое время поддерживало семью. Мистер Белл писал, что несколько лет они питались исключительно сваренной на воде овсянкой – каким образом это возможно, он не представляет, – однако, когда кредиторы уже потеряли надежду получить долги мистера Торнтонна-старшего (если вообще таковая была), юноша вернулся в Милтон и выплатил каждому причитающуюся ему сумму. Никакого шума, никакого общего сбора. Все прошло очень тихо и незаметно, но в итоге долги были полностью погашены. Здесь надо отдать должное одному из кредиторов – ворчливому старику (так его описал мистер Белл), который взял молодого Торнтонна к себе в компаньоны.

– Прекрасная история, – отозвалась Маргарет. – Как жаль, что столь яркая личность оказалась запятнанной статусом фабриканта.

– Запятнанной? Каким же образом? – удивился мистер Хейл.

– О, папа, привычкой все рассматривать под одним углом: с точки зрения получения прибыли. Говоря о технической мощи, он определенно видел в ней лишь способ расширить производство и увеличить доход. А что касается бедняков, то бедны они исключительно потому, что порочны, а посему недостойны сочувствия, так как не обладают его железным характером и возможностями, которые этот характер открывает.

– Нет, не порочны. Мистер Торнтон ни разу не произнес этого слова. Он назвал этих людей беспечными и не в меру потакающими своим легкомысленным желанием.

Маргарет свернула вышивку и направилась было к себе, намереваясь лечь спать, однако, выходя из гостиной, остановилась в дверях, чтобы сделать признание, которое, как она надеялась, должно было обрадовать отца, но, если говорить честно, содержало немалую долю раздражения. Так или иначе, а признание прозвучало:

– Папа, пусть мистер Торнтон личность и выдающаяся, но он мне совсем не нравится.

– А мне нравится! – рассмеялся мистер Хейл. – Хотя героем или кем-то в этом роде я его вовсе не считаю. Но спокойной ночи, дитя мое, а то мы совсем утомили своими разговорами твою маму.

Маргарет и сама с тревогой заметила, что мать сегодня выглядит совсем слабой, а слова отца отозвались в сердце смутным страхом. Жизнь в Милтоне ничем не напоминала привычную свободу Хелстона с постоянным движением на воздухе. Да и сам воздух там обладал живительной силой, о которой здесь не приходилось даже мечтать. Домашние неприятности навалились так неожиданно и безжалостно, что появились серьезные опасения по поводу здоровья миссис Хейл. Больше того, были замечены и другие опасные признаки ее стремительно ухудшавшегося состояния. Она что-то подолгу обсуждала с Диксон в спальне, откуда горничная выходила потом в дурном настроении и со слезами на глазах, как бывало всякий раз, когда недомогание госпожи требовало ее сочувствия и участия. Однажды Маргарет заглянула в спальню вскоре после ухода Диксон и обнаружила мать, стоявшей на коленях и взывавшей к Господу, чтобы даровал ей силы и терпение в телесных страданиях. Отчаянно хотелось восстановить доверие, разрушенное долгой жизнью в доме тетушки Шоу, чтобы лаской и словами утешения проникнуть в самый теплый уголок сердца матери. Если прежде душевные разговоры доставляли Маргарет искреннюю радость, то сейчас она чувствовала некоторую отстраненность матери, скрытность, но считала это следствием плохого самочувствия.

Ночью она долго лежала с открытыми глазами, думая, как бы облегчить дурное влияние Милтона на здоровье матери. Во-первых, необходимо постараться поскорее найти служанку, чтобы Диксон могла полностью сосредоточиться на уходе за больной, обеспечив ей максимум внимания, в котором она нуждается и к которому привыкла. Несколько дней ушло на посещение различных агентств по найму персонала и беседы с бесчисленными претендентками, из которых достойными внимания оказались единицы.

Как-то Маргарет встретила на улице Бесси Хиггинс и остановилась, чтобы поговорить.

– Добрый день, Бесси. Как самочувствие? Надеюсь, лучше – ведь ветер переменился?

– И лучше, и не лучше, если понимаете, о чем я.

– Честно говоря, не слишком, – улыбнулась Маргарет.

– Лучше потому, что по ночам больше не разрываюсь от кашля, но я так устала от этого ужасного городишки, что мечтаю поскорее уйти в мир иной. А когда думаю об этом, сердце обрывается, и тогда уже совсем не лучше, а хуже.

Маргарет решила проводить девушку, и они медленно пошли в сторону ее дома. Несколько минут обе молчали, а потом Маргарет тихо спросила:

– Бесси, неужели ты и вправду хочешь умереть?

Сама она смерти боялась и стремилась к жизни со всей страстью здоровой юности.

Бесси долго не отвечала, словно собиралась с мыслями, наконец все-таки заговорила:

– Только представьте, что вы живете так же, как я, в страшных муках, которым нет конца. Вас бесконечно терзает кашель, изводят головокружение, тошнота и жар, и вы не знаете, сколько это продлится... О господи! Думаю, вы тоже были бы счастливы услышать от доктора, что вряд ли протянете еще одну зиму.

– А как ты жила раньше?

– Думаю, не хуже, чем другие, с той лишь разницей, что я постоянно возмущалась, а они нет.

– Но как именно? Видишь ли, я здесь чужая, поэтому не очень хорошо понимаю, что ты имеешь в виду.

– Если бы вы к нам пришли, как обещали, то, возможно, я бы рассказала. Оказалось, что папа был прав: вы такая же, как все, – с глаз долой, из сердца вон.

– Не знаю, кого имел в виду твой отец. Что касается меня, то, честно говоря, просто забыла об обещании – закрутилась...

– Но вы же сами сказали! Мы не просили!

– Забыла, – спокойно повторила Маргарет и предложила: – А что, если я пойду с тобой прямо сейчас?

Бесси быстро взглянула в лицо спутнице, чтобы убедиться в искренности предложения, встретила прямой, дружелюбный взгляд и сразу смягчилась.

– Пойдемте, если хотите...

Дальше они шли молча, а когда свернули с грязной улицы в маленький двор, Бесси предупредила:

– Не обижайтесь, если отец окажется дома и поначалу немного поворчит. Вы ему понравились, и он очень вас ждал, а когда не дождался, расстроился.

– Не переживай.

Николаса дома не оказалось, но возле корыта возилась крупная, неряшливо одетая девушка значительно моложе Бесси, но выше и крепче. Работала она быстро и умело, только вот при этом так шумела, что Маргарет посочувствовала бедной больной. А та, совершенно выбившись из сил, опустилась на первый попавшийся стул. Маргарет попросила девицу принести воды, а когда та побежала на кухню, по пути опрокинув стул и налетев на угол стола, развязала ленты на шляпке новой подруги, чтобы той легче было дышать.

– По-вашему, такой жизнью стоит дорожить? – наконец пробормотала Бесси.

Маргарет ничего не ответила и поднесла к ее губам воду. Девушка сделала долгий лихорадочный глоток, откинулась на спинку стула и, прикрыв глаза, прошептала:

– «И не постигнет их больше ни голод, ни жажда. Не обожжет их солнце и не иссушит зной».

Склонившись к девушке, Маргарет попросила:

– Бесси, не гневайся на свою жизнь, какой бы она ни оказалась сейчас и какой бы ни была прежде. Вспомни, кто даровал ее тебе, и смирись!

– Не допущу, чтобы моей дочке читали проповеди, – раздался за спиной голос Николаса. – Она и без того грезит о городе с золотыми воротами и драгоценными камнями на башнях. Терплю, раз ей это нравится, но чужих глупостей не допущу.

Маргарет, вздрогнув от неожиданности, обернулась.

– Но ведь вы наверняка и сами верите в то, что я сказала: Бог даровал жизнь и приказал довольствоваться тем, что есть!

– Верю только в то, что вижу, и больше ни во что. Вот так, молодая леди. И точно не верю тому, что слышу! Слышал однажды, как некая девушка очень уж хотела посмотреть, как мы живем, даже навестить собиралась. Моя девочка поверила ей, но так и не дождалась. Сколько раз вскакивала при звуке чужих шагов, а потом краснела от стыда, и вот она наконец пришла. Добро пожаловать, если только не станете проповедовать то, в чем не разбираетесь.

Бесси, внимательно наблюдавшая за лицом Маргарет, выпрямилась, взяла гостью за руку и с мольбой пролепетала:

– Не обижайтесь. Многие думают так же. Если бы вы слышали, что говорят другие, то не обратили бы внимания на его слова. Отец очень хороший, добрый, но его речи порой так огорчают и запутывают, что смерть кажется еще желаннее.

– Бедная, бедная девочка! Я ее, оказывается, пугаю. Но как же насчет правды? Когда вижу, что мир идет не туда, куда надо, пытается анализировать то, в чем не разбирается, и оставляет разрушаться то, что можно и нужно спасти, я говорю: хватит рассуждать о религии, пора заняться полезным делом. Это моя вера. Все просто, незамысловато и немудрено.

Девушка, будто его не слышала, повторила:

– Не думайте о нем плохо. Он хороший, правда. Мне порой кажется, что даже на небесах мне не будет покоя, если туда не попадет отец.

На впалых щеках Бесси вдруг вспыхнул лихорадочный румянец, в глазах зажегся странный, болезненный огонь, и она, приложив руку к груди, пугающе побледнела.

– О, мое сердце!

Маргарет заключила девушку в объятия, а когда она перестала дрожать, приподняла ее мягкие волосы и смочила виски водой. Николас мгновенно исполнял все ее просьбы принести то одно, то другое, и даже шумная сестра по просьбе Маргарет удержала прыть и начала двигаться с бережной осторожностью. Спустя некоторое время приступ – грозный предвестник смерти – закончился. Бесси медленно встала и проговорила:

– Пойду прилягу. Постель сейчас для меня – лучшее место. Но вы приходите еще. Пообещайте, что придете.

– Обязательно. Завтра, – заверила девушку Маргарет.

Бесси склонилась к отцу, и тот взял ее на руки, чтобы отнести наверх, однако едва Маргарет встала, намереваясь уйти, обернулся:

– Хочу, чтобы Бог существовал. Тогда я попрошу бы его благословить вас.

Маргарет вышла из дома в глубокой печали и задумчивости. К чаю она опоздала, но если в Хелстоне пропуск семейной трапезы считался серьезным проступком, то сейчас миссис Хейл перестала обращать внимание на многие нарушения, и Маргарет почти мечтала услышать прежние жалобы и упреки.

– Ты наняла служанку, милая?

– Нет, мама. Эта Энн Бакли ровным счетом никуда не годится.

– Может, я сгожусь? – предложил мистер Хейл. – Все остальные уже попробовали натянуть хрустальную туфельку. Что, если Золушкой окажусь именно я?

Маргарет едва улыбнулась шутке: настолько расстроило ее посещение дома Хиггинсов.

– А как бы поступил ты, папа? Куда отправился бы на поиски?

– Скорее всего, обратился бы к какой-нибудь добропорядочной хозяйке с просьбой порекомендовать девушку, известную ей самой или кому-то из слуг.

– Прекрасно, но для этого надо сначала найти такую хозяйку.

– Такая уже есть... вернее, завтра будет.

– О чем это вы, мистер Хейл? – с любопытством осведомилась жена.

– Видите ли, мой идеальный ученик (так Маргарет называет мистера Торнтон) сообщил, что его матушка собирается нанести визит миссис и мисс Хейл.

– Миссис Торнтон! – воскликнула миссис Хейл.

– Та самая матушка, о которой он нам рассказывал с таким глубоким почтением? – уточнила Маргарет.

– Полагаю, да – другой-то у него нет, – пожал плечами мистер Хейл.

– Буду рада познакомиться. Должно быть, это необычная особа, – добавила миссис Хейл. – Возможно, она кого-нибудь нам порекомендует. Похоже, миссис Торнтон хозяйка аккуратная и экономная, так что ленивую прислугу не посоветует.

– Дорогая, – не на шутку встревожился мистер Хейл, – умоляю, даже не заговаривай на эту тему. Полагаю, миссис Торнтон так же горда и надменна, как наша малышка Маргарет, и ей тяжело вспоминать о годах лишений, бедности и жестокой экономии, хотя ее сын рассказал об этом открыто. Очень сомневаюсь, что ей будет приятно знать, что чужие люди догадываются о ее обстоятельствах.

– Заметь, папа, что ее высокомерие совершенно непохоже на то, в котором ты постоянно обвиняешь меня, если таковое вообще существует.

– Не могу знать этого наверняка, однако по некоторым высказываниям ее сына догадываюсь, что это имеет место быть.

Жена и дочь не уточнили, что именно мистер Торнтон рассказывал о своей матушке, а Маргарет подумала, что ей, наверное, придется остаться дома, вместо того чтобы навестить Бесси. Ранние утренние часы неизменно посвящались хлопотам по хозяйству, так что в это время она никак не успевала. Немного подумав, она решила, что взвалить все на плечи матери было бы нечестно.

Глава 12. Утренние визиты

Что ж... полагаю, мы обязаны.

Хелмс А. Дружеские беседы

Мистеру Торнтону с трудом удалось уговорить матушку совершить необходимый с точки зрения общества поступок. Она не часто посещала гостиные и вообще считала светские церемонии тяжкой обязанностью. Сын подарил ей экипаж, однако миссис Торнтон решительно отказалась держать лошадей, поэтому их нанимали, когда это требовалось. Всего две недели назад экипаж разъезжал по городу аж три дня подряд! За это время удалось объехать всех знакомых, и теперь им предстояло позаботиться об ответных визитах. Крамптон располагался слишком далеко для пешей прогулки, и миссис Торнтон уже несколько раз спрашивала сына, оправдывает ли визит к Хейлам расходы на извозчика. Она обрадовалась бы отрицательному ответу, поскольку не видела пользы в дружбе со всеми наставниками Милтона. Чего доброго, придется ехать к жене учителя танцев, у которого занимается Фанни!

– Непременно попросил бы тебя об этом, мама, будь мистер Мейсон и его супруга так же одиноки в нашем городе, как Хейлы.

– О, не горячись: сказала же поеду, завтра. Хочу только, чтобы ты трезво оценил обстановку.

– Если ты уже решила, то я закажу лошадей.

– Глупости, Джон. Можно подумать, у тебя деньги падают с небес.

– Не то чтобы так, но насчет лошадей совершенно уверен. В последний раз, когда выезжала в кебе, ты вернулась с головной болью от тряски.

– Не припомню, чтобы жаловалась.

– Нет, но ведь ты никогда не жалуешься, – гордо подтвердил мистер Торнтон. – Тем внимательнее приходится за тобой наблюдать. А вот что касается Фанни, некоторые испытания пошли бы ей на пользу.

– Она слеплена совсем из другого теста, Джон, и трудности ей не по плечу.

Миссис Торнтон замолчала и задумалась. Последние слова затронули болезненную тему: она всей душой презирала слабость характера, но в то же время видела, что дочь слаба во всем, где мать и брат сильны. Миссис Торнтон не любила подолгу рассуждать. Способность быстро делать выводы и принимать решения успешно заменяла ей глубокие размышления. Как мать, она инстинктивно чувствовала, что Фанни никогда не научится ни терпеливо сносить неприятности, ни храбро встречать трудности. Признавая недостатки дочери, она недовольно морщилась, однако обращалась с Фанни так же нежно и бережно, как любящие матери – со своими больными или ослабленными детьми. Посторонний, поверхностный наблюдатель вполне мог бы решить, что миссис Торнтон любит дочь намного больше, чем сына, но это мнение оказалось бы ошибочным. Та отвага, с которой мать и сын высказывали друг другу неприятную правду, основывалась на прочном основании в душе каждого. В то же время неловкая нежность обращения миссис Торнтон с дочерью, стыдливое стремление скрыть отсутствие у той великолепных качеств, которыми сама она обладала в избытке и высоко ценила в других, выдавали эфемерность материнской любви. Миссис Торнтон звала сына исключительно по имени – Джон, а такие обращения как «дорогая», «дитя мое», «солнышко» предназначались только Фанни. Однако в душе она не уставала благодарить Господа за старшего ребенка и ходила с гордо поднятой головой.

– Фанни, милочка! Сегодня подадут лошадей: собираюсь нанести визит Хейлам. Может, поедешь вместе со мной и, пока я буду в гостях, наведишь няню? Это в том же направлении, а она будет очень рада тебя видеть.

– О, мама! Так далеко, а я очень устала.

– Отчего? – Миссис Торнтон слегка нахмурилась.

– Не знаю. Должно быть, виной всему погода. Может, привезти няню сюда? Она сможет провести здесь весь день и, уверена, будет довольна.

Миссис Торнтон, отложив рукоделие, задумалась, а потом проговорила:

– Но ведь поздним вечером няне придется возвращаться домой в одиночестве и пешком.

– Нет-нет, я отправлю ее на извозчике, ни о чем другом даже не может быть и речи!

В эту минуту в комнату вошел мистер Торнтон, чтобы попрощаться перед работой, и Фанни поспешила сменить тему:

– Мама! Думаю, не стоит даже сомневаться, что, если миссис Хейл потребуется какая-то помощь, ты тут же предложишь свои услуги. Она крайне слаба здоровьем.

– Во всяком случае, постараюсь помочь. Сама я никогда не болела, поэтому не могу даже представить как.

– Что ж, зато у нас есть Фанни, которая постоянно жалуется на недомогание, и уж она-то обязательно что-нибудь предложит. Правда, сестренка?

– И вовсе я не жалею, – обиделась Фанни. – Просто болит голова, поэтому останусь лучше дома.

Ее слова явно рассердили брата, а матушка с особым усердием склонилась над пальцами, когда он жестко проговорил:

– Фанни, я хочу, чтобы ты поехала. Визит не принесет тебе вреда. Буду крайне признателен, если не придется повторять.

Решительным шагом он покинул комнату, а если бы задержался хоть на минуту, то в ответ на властный тон, слегка смягченный оговоркой «буду крайне признателен», Фанни непременно бы расплакалась.

– Джон обвиняет меня в том, что мои болезни надуманные, хотя это вовсе не так! Да и кто такие эти Хейлы, чтобы из-за них так суетиться?

– Фанни, не говори о брате в таком тоне. Наверняка существует серьезный повод, иначе он не настаивал бы на визите, так что давай-ка собирайся.

И все же разногласие между сыном и дочерью не склонило миссис Торнтон в пользу «этих Хейлов». Сердце ревниво повторяло слова Фанни: «Кто такие эти Хейлы, чтобы из-за них так суетиться?»

Вопрос этот то и дело возникал подобно припеву в песне – даже тогда, когда сама Фанни совсем забыла о нем в приятном возбуждении от новой шляпки и собственного отражения в зеркале.

Миссис Торнтон стеснялась. Не так давно у нее появилось время для светского общения, и общение это доставляло не много радости. Она любила давать званые обеды и критиковать обеды других, но вот с новыми людьми сходилась с трудом. Войдя в маленькую гостиную Хейлов, миссис Торнтон смутилась, и оттого показалась еще более более суровой и неприступной.

Маргарет шила из батиста крошечный наряд для будущего ребенка Эдит, и миссис Торнтон подумала: «Мелкая, бесполезная работа». Вязание миссис Хейл понравилось ей куда больше: во всяком случае, что-то значительное. Комнату наполняли многочисленные безделушки, с которых, должно быть, приходилось то и дело стирать пыль. Уборка занимала много времени, а для людей с ограниченным достатком время означало деньги. Обо всем этом миссис Торнтон размышляла, величественно беседуя с миссис Хейл и изрекая обычные банальности, которые, как правило, произносят не задумываясь. Миссис Хейл, в отличие от гостыи, уделяла беседе значительно больше внимания благодаря драгоценным старинным кружевам на ее платье.

– Настоящие английские кружева, – поделилась она потом с Диксон, – которые уже лет семьдесят не плетут. Такие не купишь – должно быть, достались по наследству, – а это означает, что у Торнтонов хорошая родословная.

Таким образом, обладательница наследственных кружев удостоилась несколько больших усилий, чем те вялые попытки проявить любезность, которые достались бы любому другому посетителю. И вскоре Маргарет, старательно поддерживая разговор с Фанни, услышала, как мама и миссис Торнтон погрузились в обсуждение неисчерпаемой темы слуг.

– Полагаю, музыка вас не привлекает, – заметила мисс Торнтон. – Не вижу фортепиано.

– Люблю слушать приятную музыку, но сама играю не очень хорошо. А папа и мама к звукам равнодушны, поэтому, переезжая сюда, мы продали свой старый инструмент.

– Не понимаю, как можно существовать без фортепиано. Мне оно кажется едва ли не главной необходимостью в жизни.

«Пятнадцать шиллингов в неделю, из которых три откладывали! – подумала Маргарет. – Но она, наверное, была совсем маленькой, так что не помнит этого. И все же знать о тяжелых временах должна бы».

– Полагаю, у вас где-то можно послушать музыку?

– О, конечно! Здесь бывают хорошие концерты. Чудесные! Вот только собирается слишком много народу: устроители пускают всех без разбору, – но зато музыка самая новая. На следующий день я обычно заказываю много нот.

– Означает ли это, что в музыке вас привлекает именно новизна? – холодно поинтересовалась Маргарет.

– О, если бы эти произведения не пользовались популярностью в Лондоне, исполнители не привезли бы их сюда. Вы, конечно, бывали в Лондоне?

– Конечно, даже жила там несколько лет.

– А я лишь мечтаю его увидеть. И еще Альгамбру.

– Лондон и Альгамбру? – удивленно переспросила Маргарет.

– Да! С тех пор как прочитала «Сказки Альгамбры». Вы их, конечно, читали?

– Нет, не думаю. Но ведь в Лондон вполне можно поехать.

– Да, но мама сама никогда не была в Лондоне и не понимает моей мечты! – с жаром прошептала Фанни. Очень гордится Милтоном. А для меня это грязный, дымный город. Впрочем, кажется, эти качества ей особенно нравятся.

– Если миссис Торнтон живет здесь много лет, ее любовь вполне понятна, – возразила Маргарет своим чистым серебристым голосом.

– Что это вы там обо мне говорите, мисс Хейл, можно узнать? – встрепелась миссис Торнтон.

Маргарет не нашлась с ответом, поэтому Фанни пояснила:

– Ах, мама, мы всего лишь пытаемся выяснить, за что ты любишь Милтон.

– Благодарю вас, – холодно заметила миссис Торнтон. – Не думала, что естественная привязанность к городу, где родилась, выросла и прожила много лет, может подвергаться сомнению.

Маргарет рассердилась: и на несдержанную на язык Фанни, и на слишком уж прямолинейную ее матушку.

После неловкой паузы гостя продолжила:

– Вы что-нибудь знаете о Милтоне, мисс Хейл? Видели наши фабрики, наши грандиозные склады?

– Нет, ничего этого еще не видела, – честно ответила Маргарет, но, почувствовав, что, скрывая полное равнодушие, кривит душой, добавила: – Думаю, если бы я заинтересовалась, папа обязательно показал бы мне город, только, честно говоря, осмотр фабрик вряд ли доставит мне удовольствие.

– Там, конечно, много любопытного, – вступила в беседу миссис Хейл, – но уж больно шумно и грязно. Помню, как-то мы ходили смотреть, как делают свечи, так мое новое сиреневое шелковое платье оказалось безнадежно испорченным.

– Вполне возможно, – недовольно буркнула миссис Торнтон. – И все же полагаю, что люди, приехавшие в город, прославившийся на всю страну выдающимися успехами в бизнесе, могли бы посетить некоторые места, где этот бизнес развивается. Доводилось слышать, что ничего подобного больше нет во всем королевстве. Если мисс Хейл изменит точку зрения и снизойдет к производству, буду только рада попросить сына устроить для нее экскурсию в ситценабивной, ткацкий или более понятный прядильный цех одной из его фабрик. Там можно собственными глазами увидеть все достижения техники.

– Я так рада, что вы не любите фабрики, склады и прочее производство, – прошептала Фанни напоследок, вставая вслед за матерью, когда та с холодным достоинством простилась с миссис Хейл.

– На вашем месте я бы узнала об этом все, что можно, – спокойно ответила Маргарет.

На обратном пути миссис Торнтон строго сказала дочери:

– Мы должны проявить любезность к этим Хейлам, однако не торопись заводить с их дочерью дружбу: к добру это не приведет. А маменька ее очень больна, но представляется мне довольно милой.

– Не собираюсь я ни с кем дружить, мама! – Фанни обиженно надула губки. – Просто старалась поддержать беседу – вот и болтала обо всем подряд.

– Что ж, хорошо. Во всяком случае, теперь Джон должен быть доволен.

Глава 13. Легкий ветерок в духоте

*Страх и тревога, боль и сомненье
Растают как тень, уйдут как виденье.
Лишь смерть не минует, как наважденье.*

*Печально бредем мы пустынной тропой.
Конец приближаем усталой стопой,
Во тьме пробираясь унылой толпой.*

*Но Господа голос зовет нас домой,
Сквозь сумрачный лес он ведет за собой
В тот край, что сулит возделанный покой.*

*Закончится путь на святых берегах.
Отступит сомненье, развеется страх,
И тщетным покажется горестей прах.*

Тренч Р. К.

Едва гости уехали, Маргарет бросилась наверх, надела шляпку, накинула шаль и побежала к Хиггинсам, чтобы узнать, как чувствует себя Бесси, и посидеть с ней до обеда. Шагая по узким грязным улицам, она задумалась о том, что забота о бедной больной девушке наполнила их жизнь смыслом.

Было заметно, что ее ждали, и Мэри Хиггин, младшая сестра Бесси, даже пыталась навести порядок: пол в середине комнаты выглядел почти чистым, хотя под стульями, столом и возле стен осталась пыль и грязные участки. День выдался жарким, однако камин пылал, и оттого дом напоминал раскаленную печь. Маргарет не поняла, что щедро расходуя уголь, Мэри хотела так выразить свое гостеприимство, и решила, что это для Бесси, которую, возможно, знобит. Больная лежала возле окна то ли на большой подушке, то ли на маленькой тахте. По сравнению со вчерашним днем она казалась очень слабой и усталой: как выяснилось, девушка, заслышав шаги, то и дело вставала, чтобы посмотреть, не Маргарет ли это. И вот теперь, когда та наконец пришла, лежала неподвижно, молча, умиротворенно глядя на подругу, касаясь кончиками пальцев ее платья, не уставая восхищаться тонкостью ткани.

– Никогда не понимала, почему в Библии люди так любят мягкие одеяния. Наверное, приятно наряжаться так, как вы, – необычно. Все благородные дамы носят слишком яркие платья, аж в глазах рябит, а ваш ласкает взор. Где вы его купили?

– В Лондоне, – с улыбкой ответила Маргарет.

– Лондон! Вы были в столице?

– Даже несколько лет там жила, хотя дом мой всегда оставался в деревне, на краю леса.

– Расскажите, пожалуйста, – попросила Бесси и, опустив голову, закрыла глаза, скрестила руки на груди и замерла, словно боялась пропустить хоть слово. Люблю слушать о деревьях, полях и цветах.

Уехав из Хелстона, Маргарет еще ни разу не рассказывала о родной деревне – разве что лишь мимоходом упоминала название, – но во сне часто видела любимый край более отчетливо и ярко, чем он был наяву, и даже навещала самые уютные уголки. Сейчас сердце открылось навстречу нежной просьбе.

– Ах, Бесси, я так любила дом, который пришлось покинуть! Если бы только ты могла увидеть его своими глазами! Словами не передать даже сотую долю его красоты. Дом утопает

в зарослях высоких деревьев, и ветви их в жару дарят свежую тень. Даже в безветренные дни в отдалении слышится умиротворяющий легкий шелест. В погожие дни трава у дома мягкая и гладкая, как бархат, а в ненастье пропитана влагой из почти незаметного, тихо журчащего ручья. Под деревьями растут раскидистые папоротники – целые поляны: одни ярко-зеленые, а другие с золотистыми полосами солнца на ажурных листьях. Совсем как море.

– Никогда не видела моря, – прошептала Бесси. – Но продолжайте.

– Здесь и там кроны деревьев пронизывают солнечные лучи и просвечивает голубое небо.

– Как хорошо! – вздохнула Бесси. – Простор. А вот я постоянно задыхаюсь. Раньше, когда ходила гулять, всегда старалась забраться как можно выше, чтобы ничто не загораживало обзор и чтобы ощутить свежий ветер. В Милтоне тесно, грязно и дымно. Вот только от постоянного шелеста листьев у меня, наверное, закружилась бы голова: на фабрике всегда так было, а еще болела. Но на полянах, наверно, тихо?

– Очень тихо, – кивнула Маргарет. – Только изредка с небес доносится песня жаворонка. Порой даже слышно, как фермер дает указания своим работникам, хотя это очень далеко, и тогда становится даже приятно: кто-то работает, а я сижу среди вереска и ничего не делаю.

– Когда-то мне казалось, что если бы удалось хоть денек ничего не делать – просто отдохнуть в каком-нибудь тихом месте, похожем на то, о котором вы рассказываете, – то силы бы вернулись, а вот теперь я все время провожу в праздности, но устаю от этого точно так же, как прежде от работы. Иногда даже думаю, что не смогу наслаждаться раем, если прежде не отдохну; сначала надо как следует отоспаться в могиле, а потом уже отправиться туда.

– Ничего не бойся, – успокоила девушку Маргарет, бережно взяв за руку. – Бог подарит отдых, с которым не сравнится ни земная праздность, ни мертвый сон в могиле.

Бесси беспокойно пошевелилась и призналась:

– Очень жаль, что папа так говорит. Он хороший – готова повторять это снова и снова. Днем я ни капли ему не верю, а вот по ночам, в лихорадочном полусне, грубые слова снова приходят ко мне. О, тогда все так плохо! Вот я думаю, что конец уже совсем близко и все, для чего я родилась, это потратить на работе сердце и жизнь и умереть в этом ужасном месте. Здесь ни днем ни ночью не смолкает грохот фабрик, так что иногда хочется закричать, чтобы они дали отдохнуть хотя бы минуту. Легкие забиты едким дымом. Если бы хоть раз глотнуть свежего воздуха, о котором вы рассказываете! Мама умерла, и больше я никогда не смогу рассказать ей о своей любви, не смогу поделиться тревогами. По ночам думаю, что не существует Бога, готового высушить все пролитые на земле слезы. А вы... вы!

Бесси вдруг села и неожиданно, почти яростно, сжала руку Маргарет.

– Кажется, я схожу с ума и могу даже убить вас!

Мгновенный порыв страсти миновал, бедняжка без сил упала на подушку, и Маргарет опустилась перед ней на колени.

– Бесси! Господь есть! Надо только верить.

– Знаю! Знаю! – простонала больная, не находя себе места. – Я страшная грешница, говорю такие ужасные, жестокие слова. Но вы меня не бойтесь, я и волоска на вашей голове никогда не трону. Не меньше вашего я верю в то, что меня ждет: читала Апокалипсис до тех пор, пока не выучила наизусть, – потому, когда нормально соображаю, никогда не сомневаюсь в будущем блаженстве.

– Давай не будем говорить о лихорадочных фантазиях. Лучше расскажи, чем занималась до болезни.

– Наверное, когда умерла мама, я еще была здорова, но с тех пор уже никогда не чувствовала себя хорошо. Вскоре начала работать на кардочесальной машине, и пух забил мои легкие.

– Пух? – переспросила Маргарет.

– Да, пух, – повторила Бесси. – Маленькие частички хлопка до такой степени наполняют воздух, что он становится белым от пыли. Из-за нее у многих рабочих скоро начинается кровавый кашель.

– Неужели ничего нельзя сделать? – вздохнула Маргарет.

– Не знаю. Говорят, на некоторых фабриках устанавливают в цехах большое колесо. Оно крутится, поднимает ветер и уносит пыль. Но это колесо очень дорогое – фунтов пятьсот или шестьсот стоит, – а прибыли не приносит, поэтому мало кто из хозяев его ставит. Слышала даже, что некоторые рабочие сами отказываются: говорят, что привыкли глотать пух, а теперь постоянно хотят есть и требуют повышения жалованья, да и найти его трудно. Жаль, что на нашей фабрике его нет.

– Разве твой отец об этом не знал? – спросила Маргарет.

– Знал и очень переживал. Но в целом наша фабрика была неплохой и люди там работали хорошие. Отец боялся отпускать меня в другое место, потому что, хоть сейчас этого и не скажешь, многие считали меня симпатичной девушкой. Мне не хотелось прослыть капризной. К тому же мама говорила, что надо оплачивать обучение Мэри, а папа любил покупать книги и ходить на разные лекции. На все нужны деньги. Поэтому я продолжала работать до тех пор, пока в ушах навсегда не поселился шум, а в горле и легких не застрял пух. Вот и все.

– Сколько тебе лет? – поинтересовалась Маргарет.

– В июне исполнится девятнадцать.

– И мне тоже девятнадцать. – Она печально задумалась о разделявшей их пропасти и от подступивших слез не смогла вымолвить ни слова.

– Пару слов о Мэри, – продолжила Бесси. – Хочу попросить, чтобы вы о ней позаботились. Ей семнадцать. Боюсь, как бы и она не попала на фабрику.

– Вряд ли ей подойдет... – Помимо воли Маргарет обвела взглядом грязные углы комнаты. – Вряд ли она сможет работать служанкой, правда? У нас есть давняя верная горничная, уже почти родственница, и ей нужна помощница, но Диксон очень аккуратна и требовательна. Вряд ли имеет смысл навязывать ей работницу, которая ничего не умеет.

– Понимаю. Думаю, вы правы. Наша Мэри – хорошая девушка, но разве кто-нибудь учил ее домашним делам? Росла без матери, я весь день пропадала на фабрике, а потом только ругала ее за то, чего сама толком не знала.

– Даже если Мэри не сможет работать служанкой, обещаю с ней дружить. Ради тебя, Бесси. А теперь мне пора. Приду снова, как только смогу, но если вдруг не появлюсь завтра, послезавтра, а может даже через неделю или две, не думай, что я тебя забыла: просто занята.

– Знаю, что больше вы обо мне не забудете, и не обижусь. Вот только через неделю, а тем более две, можете уже не застать меня в живых.

– Если вдруг почувствуешь, что... слабеешь, непременно дай знать, – попросила Маргарет, крепко сжав тонкую сухую руку.

– Обязательно. – Бесси ответила едва ощутимым пожатием.

С этого дня здоровье миссис Хейл стало стремительно ухудшаться. Приближалась годовщина замужества Эдит. Оглядываясь на бесконечную вереницу неприятностей и проблем, Маргарет удивлялась, как удалось все это вынести. Если бы только можно было предчувствовать наступление времени испытаний, она постаралась бы забиться в дальний угол и спрятаться от грядущих бед. И все же каждый отдельный день представлял в памяти вполне сносным: проблески радости и веселья пронзали даже глухую стену печали. Год назад, вернувшись в Хелстон и с горечью осознав появившиеся в мамином характере раздражительность и ворчливость, она с отчаянием восприняла бы перспективу долгой болезни, постигшей миссис Хейл в чужом, неуютном, грязном и шумном городе и в таком же необжитом, неудобном доме, однако по мере появления истинных, серьезных оснований для жалоб матушка приобретала все более глубокое, осознанное терпение. В тяжелой болезни проявилась доброта, уравновесившая прежнее

безосновательное раздражение. Мистер Хейл впал в состояние мрачного предчувствия, которое у людей его склада приобретает форму добровольной слепоты. Стоило Маргарет поделиться тревогой, отец рассердился так, как не сердился ни разу в жизни.

– Право, Маргарет, ты становишься излишне мнительной! Видит Бог, если бы мама действительно серьезно заболела, я бы забеспокоился первым: в Хелстоне мы без слов понимали, когда у нее болела голова. В дурном самочувствии она всегда бледнела, а сейчас на щеках играет такой же яркий здоровый румянец, как в тот день, когда я впервые ее увидел.

– Честно говоря, боюсь, что причина этого румянца кроется в боли и страдании, – с сомнением возразила Маргарет.

– Глупости, Маргарет. Повторяю: ты слишком мнительна, – а возможно, сама нездорова. Вызови завтра доктора: пусть сначала тебя посмотрит, а потом, если настаиваешь, и маму тоже.

– Спасибо, постараюсь успокоиться. – Маргарет подошла, намереваясь поцеловать отца, однако тот ее отстранил – легко, но безапелляционно.

Казалось, дочь высказала вслух его собственные мысли, и избавиться от них можно было, лишь избавившись от ее присутствия. По своей давней привычке мистер Хейл принялся ходить по комнате и со вздохом произнес, обращаясь скорее к самому себе, чем к Маргарет:

– Бедная Мария! Если бы можно было поступать так, как считаешь правильным, и при этом не приносить в жертву близких! Возненавижу и этот город, и себя, если с ней... Скажи, Маргарет, в разговорах с тобой мама часто вспоминает Хелстон?

– Нет, папа, – грустно покачала головой дочь.

– Значит, она не очень тоскует, так ведь? Открытость и простота Марии всегда успокаивали: она не таила обиды и прямо высказывала недовольство. Она не стала бы скрывать от меня серьезные проблемы со здоровьем. Разве не так? Уверен, что не стала бы. Поэтому лучше прогони прочь свои глупые сомнения. Поцелуй меня и беги к себе. Пора спать.

Маргарет еще долго слышала, – медленно раздеваясь, и потом, уже лежа в постели, – как отец мерно ходит по комнате. Когда-то они с Эдит называли эту его привычку топотом енота.

Глава 14. Мятеж

*Когда-то я спала спокойно, как младенец.
Сейчас порывы ветра тревожат и пугают:
Ведь мой несчастный сын средь волн
Влачит печально дни. И думаю я горько,
Как жесток тот жребий, что отнял у меня дитя
За малую провинность.*

Саути Р.

Маргарет утешало одно обстоятельство: сейчас мама относилась к ней с почти забытой с детских лет нежностью и родственным доверием, словно увидела наконец в дочери преданную подругу. О подобном положении Маргарет всегда мечтала и завидовала Диксон, прочно занявшую ее законное место. Она с готовностью бросалась исполнять любую просьбу – а их насчитывалось немало, – даже если речь шла о какой-то совершенно незначительной мелочи. Вот так, сама того не подозревая, Маргарет заслужила бесценную награду.

Однажды вечером, в отсутствие мистера Хейла, матушка заговорила с ней о Фредерике. Тема эта давно волновала Маргарет, однако задавать вопросы было боязно: в данном случае стыдливость брала верх над природной открытостью, и чем больше ей хотелось узнать, тем меньше она спрашивала.

– Ах, Маргарет! Ночью поднялся такой сильный ветер! Так страшно выл в трубе! Я не могла уснуть. Никогда не сплю в непогоду. Привычка эта выработалась в то время, когда Фредерик служил на флоте. А сейчас, даже если сразу не просыпаюсь, вижу сны, как будто он в бушующем море, за бортом выше мачты поднимаются огромные черные волны и, подобно гигантской змее, обвиваются вокруг корабля. Сон давний, однако в ненастье он непременно возвращается и терзает до тех пор, пока не просыпаюсь от ужаса. Бедный Фредерик! Сейчас он на суше, так что ветер ему не навредит, а вот высокие трубы на крыше могут не выдержать.

– Где сейчас брат, мама? Знаю, что письма мы адресуем в Кадис, на имя месье Барбура. А где же он сам?

– Название места не помню. Но он живет под другой фамилией, не Хейл – не забывай об этом. Письма подписывает инициалами Ф.Д. – Фредерик Дикинсон. Мне очень хотелось, чтобы он назвался Бересфордом, тем более что основания к тому существуют, однако твой отец воспротивился: побоялся, что по моей фамилии его могут узнать.

– Мама, – решила наконец Маргарет, – когда случилось несчастье, я жила у тети Шоу и была слишком мала, чтобы мне поведали правду, но сейчас, когда повзрослела, очень хотелось бы узнать, что произошло... конечно, если тебе не слишком больно об этом говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.